

В. Фёдоров

ПРОМЕТЕЯ

ЦЕНА ВЫХОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА ПЕРВАЯ

Эхо Прометея

Василий Фёдоров

Цена выхода

«Автор»

2026

Фёдоров В.

Цена выхода / В. Фёдоров — «Автор», 2026 — (Эхо Прометей)

На далёкой промышленной планете жизнь обычного человека ничего не стоит. Чтобы не сдохнуть от голода, охотники вынуждены делать вылазки в лес, кишаций опасными тварями. Цена каждой вылазки так высока, что это чудо, если ты вернулся домой живым. Но и дома-то толком нет, и в стенах города тебе не рады. Осознав, что бороться с системой бесполезно, Андрей решается на отчаянный шаг. Лоренцо – человек, наделённый властью – мечтает пополнить аллею своих трофеев чучелом уникального зверя, победить которого невозможно. Андрей понимает, что цена свободы – хищник, равных которому нет. Вместе с наставником он берётся за заказ и вскоре узнаёт, какова плата за мечту.

© Фёдоров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лес, который слушает	5
Глава 2. След Хищника	20
Глава 3. Под дугой стен	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Василий Фёдоров

Цена выхода

Глава 1. Лес, который слушает

Грав-подушка внедорожника держала машину над землёй так ровно, будто системе приходилось уговаривать местность не дёргаться. Под днищем тянулась тёмная трава, иссечённая старым камнем и чёрными корнями. Вокруг стоял лес — без ветра, без привычного шороха, как будто он не шумел не потому, что не мог, а потому, что не хотел.

Андрей поймал себя на привычке считать вдохи. Не от страха — воздух был тяжёлый, влажный, с металлической нотой, но дышалось. Он считал, потому что так легче было не думать о том, сколько заряда они уже сожгли на дорогу и сколько ещё уйдёт, чтобы утром вернуться.

— Здесь, — коротко сказал Владимир и повёл подбородком в сторону небольшого возвышения, где земля выглядела суше. — Чище сектор. Меньше шансов проснуться от того, что рядом уже кто-то есть.

Андрей кивнул. Лишних слов между ними не водилось. За стеной слова тоже были расходником.

Внедорожник продолжал висеть на подушке — корпус чуть выше почвы. В движении это было нормой. На стоянке — пустой жор.

Андрей подался к бортовой панели у двери и вжал сенсор посадки. Индикатор мигнул, но машина лишь едва просела и вернулась обратно.

— Да сядь ты уже.

Он нажал снова. Интерфейс подвис, будто сырость добралась и сюда. Значок опор вспыхнул, исчез — и ничего.

Андрей коротко выдохнул, опустил на колено и провёл ладонью под бортом, пока не нащупал рычаг ручного вывода. Холодный металл лёг в пальцы.

Он дёрнул.

Из боков с тяжёлым лязгом пошли опоры — потёртые, в царапинах, с латаными кожей. Упёрлись в грунт, чуть подстроились и приняли вес машины на себя.

Гул подушки сразу просел, стал ниже, потом смолк.

На панели дрогнул индикатор расхода.

Немного. Но хотя бы теперь машина не жрала энергию впустую.

Позади уже стоял грузовик — тяжёлый, угловатый, из тех машин, что переживут владельца, а потом ещё пару, если их не сожрут раньше. Пока Андрей возился со своим внедорожником, Владимир с планшета уже посадил грузовик на стоянку: стабилизаторы выставлены, индикация приглушена, система молчит в режиме экономии.

Андрей отметил это почти без раздражения: его машина ещё спорила, а Владимира — просто делала, что велено.

Владимир молча протянул ему планшет.

Андрей взял его. Потускневший, исцарапанный экран поймал редкий отблеск угасающего света и выдал сводку: дроны-погрузчики — **3/4** в норме, один — «низкий заряд, нестабильный канал».

Ничего удивительного. Здесь всё работало на пределе не потому, что так задумали, а потому, что лучше они себе позволить не могли.

Андрей открыл вкладку разгрузки. Пара команд — и дроны бы растащили турели по периметру быстрее, чем он успел бы вспотеть. Быстро. Чисто. Без лишней возни.

Из темноты слева донёлся короткий влажный шелчок. Будто сухая ветка тронулась там, где сухих веток быть не должно.

Андрей вскинул голову.

Лес снова замер. Но уже не пусто — настороженно. На самой границе зрения что-то как будто сдвинулось между низкими стволами и тут же исчезло.

Он перевёл взгляд на дронов ещё раз. Быстро закончить. Быстро закрыться. Быстро поднять купол.

— Володь, — сказал он, не отрывая глаз от планшета. — Я дронами турели скину. Так быстрее.

Владимир даже не обернулся. Он уже вытаскивал из грузовика блоки купольного барьера, ставя их на землю с той точностью, с какой другие кладут нож на стол.

— Сканер молчит — руками.

Андрей сжал челюсть.

— Там уже кто-то ходит.

— Когда сканер скажет — дам дронов, — всё тем же ровным голосом ответил Владимир. — До того не жги заряд.

На секунду у Андрея вспыхнуло тупое раздражение. Не на старика даже — на это вечное «не сейчас», «не сразу», «терпи», на мир, в котором даже спешить надо по разрешению. Палец уже почти лёг на запуск. Потом он убрал руку.

— Ладно, — сказал он сухо.

Планшет ушёл в карман.

Турели лежали в заднем отсеке внедорожника: четыре старых «глаза» с короткими стволами, облупившаяся краска, стёртая маркировка. Когда-то это был корпоративный стандарт. Теперь — добыча и страховка.

Андрей снял первую турель, напрягшись всем телом. Тяжесть была честная, простая, земная — такая, которая не врёт и не делает вид, что ты сильнее, чем есть. Он поставил её на грунт, проверил крепление, повёл взглядом по периметру.

Точки он выбирал не красиво, а правильно: чтобы перекрытия не оставляли слепых углов, чтобы лес не подбирался вплотную, чтобы трава не закрывала сектор у самой земли. Владимир учил его этому, когда Андрей ещё думал, что охота — это про смелость.

Оказалось — про терпение. Про одно и то же движение, повторённое достаточно много раз, чтобы в нужный момент не умереть глупо.

Первая турель встала на северный край. Андрей включил её коротким импульсом, проверяя сервоприводы и датчики. Та отозвалась сухим, экономным звуком и начала вести сектор.

В глубине кустов что-то снова прошуршало.

Чуют.

Он поставил вторую турель на противоположную сторону. Пока фиксировал замок, в темноте на миг мелькнули две бледные точки — низко, почти у самой травы. Не глаза даже. Намёк на отражение. И нет их.

Андрей машинально посмотрел на планшет, будто ещё можно передумать. Дроны по-прежнему висели в меню — доступные, послушные, прожорливые.

Не время.

Третью турель он понёс к низине, где шаги слышны позже, чем уже поздно. Корпус скользнул во влажной ладони. Андрей тихо выругался, поставил её на место, стёр грязь рукавом и запустил диагностику.

Индикация мигнула. Секунда. Вторая. На дисплее вспыхнула строка: **тепловой шум / коррекция.**

— Только не сейчас...

Турель резко повернула ствол влево.

Из кустов донёлся тонкий, почти детский писк — быстрый, рваный.

Очередь ударила так резко, будто ночь треснула.

Пламя мазнуло по стволу. Ветки брызнули в стороны. В кустах что-то метнулось — маленькое, длинное, низкое к земле. Андрей успел увидеть лишь спину, сегментированную тень и хвост, слишком гибкий для спокойного зверя.

— Стой! — рявкнул он, хотя турель уже замолкла.

Сердце ударило в горло. Не от страха даже — от злости.

— Да чтоб тебя...

Он рухнул на колено рядом с корпусом, пальцами открыл сервисную панель. На экране дрожали грязные тепловые пятна: сырость, остывающие камни, собственный выхлоп, влажная трава. Старая оптика решила, что всё это достаточно похоже на цель.

За спиной почти бесшумно оказался Владимир.

Глянул в кусты. Сказал сразу, будто досчитал раньше, чем посмотрел:

— Двенадцать метров. Мелочь. Трое, может больше.

Андрей на секунду замер. Слишком быстро. Старик уже отвёл взгляд и, как ни в чём не бывало, повёл глазами по краю лагеря.

— Уже кружат, — добавил он.

Андрей листнул настройки. Чувствительность стояла высоко — слишком высоко для такой сырости. Оставить так — к утру турель сожрёт кассету по каждому тёплому пятну. Или сорвётся, когда рядом окажутся они.

Он опустил порог обнаружения на два деления.

Сектор на схеме сразу ослеп по нижней кромке. Чисто. Тихо. Слишком тихо.

— Теперь подпустит ближе, — сказал Андрей сквозь зубы.

Владимир посмотрел на экран, потом на лес.

— Зато стрелять будет по тому, что есть.

Ни укора. Ни утешения. Просто расклад.

Андрей защёлкнул крышку чуть сильнее, чем нужно.

— Вот потому и не спешим, — сказал Владимир и пошёл обратно к барьеру.

Андрей смотрел ему вслед чуть дольше, чем стоило. Старик был прав. От этого всегда становилось только хуже.

Он поднялся, вслушался.

Лес перестал притворяться пустым. То траву где-то прижмёт. То по коре коротко скребнёт. То тень пройдёт по самой границе света и уйдёт раньше, чем глаз успеет схватить.

Четвёртую турель Андрей ставил быстрее, но без дури. На слепой край, ближе к плотным кустам. Проверка прошла чисто. Ствол повёл сектор, вернулся, замер.

В центре лагеря Владимир уже собирал купол. Генератор барьера стоял на земле — массивный цилиндр с рёбрами охлаждения и ручками, обмотанными старой изоляцией. Рядом — эмиттерные секции, похожие на раскрытые наполовину зонты.

Без купола ночёвка за городом была не смелостью, а дурью.

Владимир присел рядом с генератором, открыл крышку и аккуратно проверил контакты. Андрей краем глаза видел, как старик на мгновение замирает, когда индикатор уровня заряда делает паузу перед показанием.

Пауза затянулась чуть дольше, чем хотелось бы.

Владимир закрыл крышку и выпрямился.

— Хватит на две... три ночи.

— Ты всегда так говоришь, — Андрей не поднимал головы от последней настройки. — «Две-три». У тебя, что ли, заводской лимит на оптимизм?

Владимир посмотрел на него спокойно.

— Оптимизм расходует больше, чем генератор.

Уголок рта у Андрея дёрнулся.

— Значит, экономим, — Андрей хлопнул турель по корпусу, словно по плечу живому существу. — Пусть хватит на четыре. Ради разнообразия.

Уголок губ Владимира едва заметно дрогнул — если у него и была улыбка, то такая.

Потом он занялся огнём.

Огонь здесь был не уютом, а инструментом. Свет — чтобы видеть руки и оружие. Тепло — чтобы не дрожать и не делать лишних ошибок. И ещё — чтобы не забыть, что ты человек, а не один из узлов этой ночи.

Владимир достал из ящика тонкие пластины сухого топлива, сложил их аккуратно, как карты, и чиркнул искрой. Пламя поднялось быстро, но не ярко — приглушённое, экономное.

Андрей сел напротив, достал винтовку, проверил крепление, отсек с кассетами. Металл был тёплым от тела и холодным от воздуха одновременно.

Некоторое время они работали молча. Шорох ткани. Щелчок фиксатора. Короткий звук проверки прицела.

Потом с края лагеря донёсся лёгкий перестук — одна турель довела сектор и вернулась назад. Чуть позже — вторая. Автоматика жила своей сухой жизнью.

Где-то в темноте снова пискнуло. Дальше.

Андрей поднял глаза.

Владимир не повернулся.

— Мелкие. Купол встанет — поноют и уйдут. Если рядом нет чего покрупнее.

— Обнадёжил.

— Не для того живу.

Андрей фыркнул, но без лёгкости.

Тишина вернулась. Слишком плотная, чтобы ей верить.

Они ещё несколько минут раскладывали всё так, чтобы ночью взять вслепую. Оружие — справа. Фонарь — под рукой. Нож — там, где ладонь найдёт раньше мысли.

— Слушай, — сказал Андрей, не сразу. — А как ты раньше без купола ходил? Когда только начал.

Владимир протёр линзу прицела медленно, будто вопрос был частью той же работы.

— Коротко, — ответил он. — И днём.

Поставил прицел на место.

— Уходил туда, где можно бежать. Где нет ловушек. Где земля не держит.

На миг замолчал. Пламя лёгким языком тронуло край пластины сухого топлива.

— Потом пошли другие, — сказал он. — Молодые. С пустыми руками и большими планами. Думали: быстро смотаться и назад. Я им говорил — не ночуйте. Не жадничайте. Не лезьте глубже.

Он посмотрел в огонь.

— Потом не возвращались.

Андрей тоже смотрел в огонь и представлял не лица — силуэты. Резкие, торопливые, слишком уверенные. В лесу удача держалась не за смелых, а за тихих.

С краю лагеря сухо щёлкнула турель. Не выстрел — только поворот. Но Андрей всё равно отметил, что теперь она ведёт сектор чуть ленивее, чем хотелось бы. Его же пальцы опустили чувствительность. Его же решение.

— А там, за стеной... — сказал он после паузы. — Все эти запреты. Протоколы. Это ведь не чтобы нас беречь.

Владимир ответил не сразу.

— Стене всё равно, кто снаружи, — сказал он. — Пока внутри горит свет. Не из злости. Просто так дешевле.

Андрей промолчал.

Это было даже хуже, чем злость. Со злостью можно спорить. С расчётом — нет.

Они убрали лишнее, сложили всё так, чтобы схватить на ощупь, и легли. Не в постель — на тонкие коврики, на сухую ткань поверх земли, на границе тепла костра и холодной ночи.

Когда Владимир активировал купол, воздух над лагерем еле заметно исказился — не светом, а внутренней рябью, как над раскалённым камнем. Система тихо пискнула, подтверждая режим, и ушла в ровное экономное гудение.

Снаружи почти сразу что-то прошуршало по траве, обошло край поля и исчезло. Как будто ночь, не сумев зайти внутрь, легла рядом.

Андрей лежал, глядя вверх. Сквозь редкие просветы между кронами виднелись звёзды — тусклые, далёкие. Не красивые. Упрямые.

— Володь, — сказал он тихо. — Ты скучаешь по жизни до ранения?

Пауза вышла длинной.

Андрей уже хотел забрать вопрос обратно, но Владимир всё же ответил:

— Меня нашли в разбитом челноке. После крушения. Раненого.

Андрей нахмурился. «Челнок», «крушения» — всё это должно было звучать как чужая легенда. Но у Владимира голос был такой, будто он говорил про старую гайку, найденную в ящике.

— Если честно, — продолжил он после паузы, — я не уверен, что та жизнь сильно отличалась. Может, просто плохо помню. А может, и там приходилось выживать. Только по-другому.

Андрей молчал.

— Но пустота есть, — сказал Владимир тише. — Будто часть меня осталась где-то там. И сколько бы я ни возвращался в город, сколько бы ни таскал домой мяса... не закрывает.

Огонь уже почти сел. Купол гудел ровно. Снаружи что-то мягко провело по полю и ушло в темноту.

Андрей смотрел в просвет между ветвями.

Здесь всё было слишком знакомо. Этот воздух. Эта грязь. Эти проценты заряда. Эта ночь, которую надо просто пережить, чтобы утром встать и делать то же самое ещё раз.

А там...

Может, там тоже придётся считать ресурс, спать вполглаза и держать руку возле оружия. Может, легче не будет вовсе.

Но там хотя бы неизвестность была бы настоящей.

Турель где-то на краю лагеря сухо повернула сектор.

И тогда Владимир сказал — не как учитель и не как человек, который любит звучать умнее, а просто как тот, кто слишком хорошо знает цену коротких вещей:

— Если тебе когда-нибудь выпадет шанс туда выбраться — не проспи его.

Андрей повернул голову.

В полутьме лицо Владимира казалось ещё старше.

— А цена?

— Время, — ответил Владимир. — Работа. Долги. Люди, которым понадобится кусок от твоего шанса. И дисциплина. Каждый день.

Он помолчал.

— Иногда — отказ от «сейчас» ради «потом».

Андрей выдохнул.

Это звучало не как обещание. И не как красивая речь. Просто как маршрут, по которому можно не дойти, если хоть раз соврётся себе про силы.

— Понял, — сказал он.

Владимир ничего не ответил.

Огонь потрескивал остатком жара. Купол держался. Лес снаружи не уходил — просто ждал своей стороны поля.

Андрей закрыл глаза.

Если шанс будет — брать. И потом платить.

Снаружи что-то снова коснулось купола — легко, почти любопытно.

Он не открыл глаз. Только подвинул ладонь ближе к винтовке.

Огонь уже не «дышал» — экономил. Пламя сидело низко, без рывков выедало сухие топливные пластины, и от этого казалось почти воспитанным. Тепла хватало ровно настолько, чтобы пальцы сгибались без злости и зубы не начинали стучать сами по себе.

Андрей лежал на боку, подтянув колени. Под куполом воздух чуть ломался — тонкая рябь на границе, будто кто-то провёл ладонью по прозрачной плёнке. Звёзды за этой рябью выглядели кривее, чем должны: картинка была как смятая.

Направление.

Слово в голове вышло сухим, как щёлк сервопривода у турели. Не обещание. Просто вектор, который можно держать, пока хватает сил.

Мысли всё равно уходили вперёд. Не в красивое — в нормальное. Металл под подошвами вместо мокрой земли. Ровный свет вместо живого огня. Воздух без железной влажности, которая оседала в горле после каждого вдоха. Списки, шлюзы, дисциплина. Он выдержит. Он и сейчас держался на дисциплине. Только бы вырваться из круга, где каждое утро начиналось с «сколько осталось заряда» и «сколько мяса надо, чтобы не сдохнуть».

Он почти провалился в дремоту, когда с другой стороны костра Владимир тихо сказал:

— Ты опять уплыл.

Голос был ровный, без укора. Как замечание про ветер.

Андрей не открыл глаза сразу — так было проще не выглядеть пойманным.

— Не уплыл, — пробормотал он. — Плыву экономно. По прямой.

В ответ раздалось короткое владимировское «хм».

— По прямой в лесу не бывает, — сказал Владимир. — Даже если тебе так кажется.

Андрей открыл глаза. Владимир сидел, опираясь спиной на сложенный ящик, и смотрел не на огонь — мимо, в тёмные промежутки между стволами. Огонь подсвечивал ему щеку, и морщины казались глубже, а взгляд — дальше.

— Расскажи тогда, где у тебя прямые, — сказал Андрей, стараясь удержать лёгкость. — Там, где ты «должен вернуться»?

Он не хотел бить. Просто слово само полезло — «должен». Владимир произносил его так, будто оно стоило дороже патрона.

Владимир не ответил сразу. Его рука поднялась к груди — осторожно, почти привычно. Из-под одежды он достал кулон.

Вещь была чужая их быту. Не потому что блестела — как раз нет. Матовый тёмный металл, гравировка из символов, которые не были ни городскими метками, ни привычной маркировкой деталей. Андрей видел слишком много ремонта «из того, что нашлось», чтобы не заметить: эту штуку не делали на коленке и не чинили изолентой.

Владимир сжал кулон в ладони так, будто проверял, на месте ли единственный узел.

У Андрея внутри чуть подтянулось внимание. Не страх — то, что в лесу всегда шло первым.

— Снилось, — сказал Владимир наконец.

— Опять про капсулу? — спросил Андрей как бы между делом.

— Нет. Про космос.

Слово прозвучало тихо, почти буднично. Но Андрей всё равно услышал в нём не мечту. Дыру.

Владимир смотрел в огонь, но Андрею казалось, что старик держит взгляд где-то дальше темноты.

— Иногда, — продолжил Владимир, — будто сижу в кресле пилота.

Он произнёс «кресле» не как «сиденье». Как место, куда тело ложится правильно, чтобы пережить нагрузку.

— Передо мной панель. Чистая. Ровная. Всё на местах. Я знаю, куда тянуть. Что нажимать. Руки знают.

Он бросил взгляд на свои ладони, будто проверял, не врут ли.

— Контур уже поднят. Сеть под разгон садится. Корпус берёт нагрузку. Ещё чуть-чуть — и должен пойти маршрут.

Андрей не перебил. Он знал: перебьёшь — Владимир закроется. Не из обиды. Просто память у него работала как плохой разъём: тронул — и контакт ушёл.

— И я делаю прыжок, — сказал Владимир. — Грав-прыжок.

Он замолчал, сжал кулон сильнее.

— Только ничего не меняется. Та же панель. То же место. Как будто меня вернули обратно до самого края. И я снова тянусь. Снова делаю. И снова — там же.

У Андрея внутри шевельнулось привычное: *усталость, травма, мозг крутит одно и то же*. Но в голосе Владимира не было сказочности. Было раздражение человека, который знает механику и видит, что она не срабатывает.

— Может, ты просто не помнишь сам момент, — осторожно сказал Андрей. — Провал. Как у тебя бывает.

Владимир посмотрел на него прямо. Не зло. Тяжело.

— Если бы это был провал, я бы не помнил ничего. А я помню одно и то же. До детали. Он на секунду отвёл глаза к чёрным стволам.

— И это хуже. Потому что похоже на наказание. Не на болезнь.

Слова неприятно легли под лопатки — глубже, чем ночной холод. В городе «наказание» было списками и протоколами. В лесу — зубами и тишиной.

Чтобы не провалиться вместе с ним, Андрей сделал то, что умел.

— Ну, — сказал он чуть легче, чем чувствовал, — значит, сэкономишь прыжки. Правильно. Расход там, наверное, конский.

Угол губ у Владимира дрогнул едва заметно.

— В космосе экономят не так.

Андрей уже хотел спросить «как», но в голосе Владимира появился тот оттенок, который всегда значил: сейчас вынырнет ещё кусок.

— А иногда... не космос, — сказал он. — Иногда место.

В Андрее всё собралось, как перед выстрелом.

— Какое?

Владимир медленно вдохнул. Дым костра будто помогал удерживать картинку.

— Остров. Большой. Передо мной. Он горит.

Слово «остров» всё ещё звучало здесь чужеродно — среди леса, ржавых блоков и земли, где вода была проблемой, а не горизонтом.

— Горит как лес? — спросил Андрей.

— Нет, — Владимир покачал головой. — Как металл. Как топливо. Огонь падает с неба, понимаешь?

Он сказал это так, будто видел траектории.

— Куски огня. Бьют сверху. Земля уже чёрная, а они всё падают. И слышно людей.

Не «толпу». Людей. Конкретных.

«Людей» прозвучало не как «толпа». Как конкретное. Владимир на секунду задержал дыхание, и Андрей понял: там не просто картинка. Там боль.

— Крики, — добавил старик. В горле у него сухо щёлкнуло. — А слева другой остров. Меньше. И его... берёт бездна.

Он показал рукой не «вниз», а будто ткань мира вдруг не выдержала и провалилась.

— Не вода. Не земля. Просто нет. Край уходит, и всё, что на нём, уходит.

Андрей молчал. Это не помещалось рядом с куполом, турелями и мясом, которое они делили по граммам. Но Владимир говорил так, как не говорят, когда придумывают на ходу.

— И под ногами было что-то, — сказал он тише. — Не на поверхности. Ниже.

Он замолчал, будто слово не давалось.

— Закопано? — сам не понимая почему, подсказал Андрей.

Владимир кивнул.

— Не просто. Спрятано.

Он провёл пальцем по кулону, словно гравировка могла подсказать то, чего не хватало в голове.

Внутри у Андрея шевельнулась чистая человеческая жадность — не к деньгам, к выходу. К чему-то настолько важному, что жизнь может сдвинуться с места. Он заставил себя усмехнуться, чтобы не выглядеть голодным.

— Ну вот, — сказал он. — Я же говорил. Клад.

Владимир посмотрел на него долго. Не с раздражением. Скорее с тем спокойным знанием, от которого делается тесно.

— Если это клад, — сказал он, — то не для нас.

И тут Андрея всё-таки кольнуло.

— Конечно, — сказал он быстрее, чем стоило. — Всегда есть что-то не для нас. Не сейчас. Не с нашим лицом.

Слова повисли грубее, чем он хотел. Как если бы говорил не Владимиру, а городу, перекупщикам, всем дверям, которые открывались не ему.

Владимир не ответил на укол. Только ещё раз сжал кулон. И Андрей заметил: пальцы у старика дрожат. Не от холода. От напряжения.

— Самое тяжёлое не остров, — сказал Владимир. — Не огонь. Не прыжок.

Он прикрыл глаза на секунду, будто переводил изображение на внутренний экран.

— Имя.

— Чьё? — почти шёпотом спросил Андрей.

Владимир выдохнул.

— Настя.

Имя прозвучало просто. И от этой простоты стало хуже.

Андрей хотел переспросить, но Владимир продолжил быстро, будто боялся остановиться и потерять нить:

— Я не помню, как она выглядит. Не помню, кто она. Жена? Дочь? Из команды? Не знаю.

Он посмотрел в огонь. На лице проступила усталость — та, которую Владимир обычно прятал за ровностью.

— Но я помню, что обещал вернуться. Это сидит вот здесь.

Он стукнул себя кулаком по груди — не сильно, но так, как стучат в дверь, если хотят, чтобы открыли.

У Андрея поднялось сопротивление. Он был Владимиру должен слишком многое, чтобы позволить себе презрение. Но внутри всё равно жило простое: *мозг цепляется за одно слово, потому что иначе пусто.*

Он отмахнулся, как умел в неудобных местах:

— Может, это просто якорь. Имя, чтобы держаться. Чтобы не съехать.

Владимир медленно повернул голову. Взгляд был спокойный, и от этого Андрею стало ещё неловче — как подростку, который заговорил слишком громко в мастерской.

— Может, — сказал Владимир. — Но тогда скажи: почему каждый раз, когда беру этот кулон, я чувствую, что это не просто имя?

Он не спорил. Спрашивал. От вопросов всегда труднее защищаться.

Огонь тихо щёлкнул. На секунду в тишине стало слышно, как купол держит рябь — лёгким, почти невидимым напряжением.

— Ладно, — сказал Андрей уже осторожнее. — Допустим. Настя. Ты уверен, что она вообще... жива?

Слово «жива» вышло тихо. Не потому что он боялся леса. Потому что боялся ответа.

Владимир долго смотрел на кулон, будто пытался прочесть в символах то, что не помещалось в голове.

— Если она не жива, — сказал он наконец, — тогда всё это бессмысленно.

Он поднял глаза на Андрея.

— Меня нашли случайно. Я выжил случайно. В городе оказался случайно. Охотником стал, потому что иначе никак. Если это только случайность — зачем я вообще помню имя?

У Андрея внутри кольнуло злостью. Не на Владимира. На устройство мира, в котором человеку приходится оправдывать собственную жизнь одним словом.

Он хотел сказать что-нибудь правильное. Про смысл, который делают делами. Но под куполом, где утром опять считать заряд и делить мясо, такие слова звучали бы как мусор.

Вместо этого он сказал:

— Потому что мозг цепляется. Он так устроен.

И сразу понял, что опять промахнулся.

Владимир не обиделся. Только коротко кивнул.

— Возможно. Тогда почему руки помнят то, чего не помнит голова?

Он чуть приподнял ладонь, будто держал невидимый рычаг.

— Я не помню, где учился. Не помню лиц. Но во сне тянусь к панели и делаю правильно. Без ошибки. Как ты ставишь турели. Ты же не думаешь каждый раз куда. Ты знаешь.

Андрей промолчал.

Ему вспомнилось, как тело иногда двигалось раньше мысли: пальцы находили хват, взгляд сам выискивал слепой угол, колено уже выбирало, куда лечь в грязь, прежде чем голова успевала назвать опасность.

Тело быстрее головы.

И в этот момент планшет у костра подал короткий сигнал.

Не тревогу. Не сирену. Просто «пик» — дешёвый и слишком резкий для ночи.

Андрей сел мгновенно. Не из-за звука даже — из-за того, что звук здесь всегда был лишним.

Владимир поднял руку — жест, который не требовал слов. Тишина.

Андрей потянулся к винтовке. Пальцы легли на знакомые места; большой палец нащупал ребро индикатора. Привычная проверка без взгляда. *Спокойно.*

Планшет лежал у края коврика, ближе к огню — иначе холод быстро убивал бы батарею. Экран был тусклым, но Андрей успел заметить: на нём на секунду вспыхнула точка.

Одна. Маленькая. На самом краю зоны.

И сразу исчезла.

Он почти уже решил: *глюк.*

Из леса донёсся сухой треск.

Не шорох. Не ветер. Чёткий звук ломаемой ветки.

Андрей замер так, как замирают не головой, а всем телом — когда мышцы сами выключают лишнее движение, чтобы стать тише.

Владимир не смотрел на него. Он смотрел в темноту и чуть наклонил голову, как слушают далёкий двигатель.

Купол держал рябь. Огонь продолжал экономно гореть.

Турель сделала едва слышный поворот — мягко, без рывка.

Сердце у Андрея ударило в горло, и это раздражало: слишком громко. *Тише*. Сердце приказов не слушало, но приказ всё равно помогал держать руки.

Владимир медленно убрал кулон под одежду — без суеты, как убирают инструмент. Потом очень тихо сказал:

— На сегодня историй достаточно.

И Андрей понял: разговор закончился не потому, что Владимир устал. Просто в эту секунду важнее было другое.

Они больше не говорили.

Только слушали. И ждали, с какой стороны лес решит войти первым.

Планшет пискнул ещё раз — не «напомнить о себе», а резко, дробно, тройным уколом, будто в корпусе что-то сорвалось с защёлки.

Сон слетел сразу. Не «потихоньку проснулся», а как после ледяной воды: мгновенно, без права на ещё минуту.

Владимир поднял руку. *Стой*. Жест был короткий, отработанный — как команда турели «стоп сектор».

Андрей не потянулся к планшету первым. Сначала — уши. Сначала — воздух. В лесу так: если сначала смотришь в экран, потом смотришь в темноту уже как добыча.

Костёр сидел низко, но всё равно оставался пятном — тёплым, живым, заметным. Пахло сырым дымом и холодной землёй, и от этого запаха Андрей окончательно понял, где он.

— Гаси, — выдохнул Владимир почти беззвучно.

Андрей перекатился, нащупал рядом тонкий лист серой жаростойкой ткани — не для комфорта, для света. Накрыл пламя. Огонь ещё секунду сопротивлялся бледным дыханием под тканью, потом сдался: остались красные точки углей, почти без блеска.

Владимир уже был на ногах. Без суеты. Как будто просто продолжил то, что делал внутри себя всю ночь.

Он шагнул к генератору купола, припал на одно колено, накрыл панель ладонью от света и пробежал глазами по индикаторам. Андрей не видел цифр, но видел паузу — такую, когда считают не глазами, а опытом.

Планшет пискнул снова. Андрей подтянул его к себе, не поднимая головы, и выкрутил яркость почти в ноль — чтобы читать, но чтобы из леса это было просто ещё одной тенью.

На карте периметра мигнула точка. Потом ещё одна — рядом. И обе исчезли, как если бы кто-то ткнул пальцем «видишь?» и убрал.

— Не глюк, — прошептал Андрей вслух.

Владимир не ответил. Он чуть наклонил голову, прислушиваясь. Андрей поймал себя на том, что слушает вместе с ним — не звуки, а паузы между ними.

И пауза была неправильной.

Треск ветки — не рядом, но и недалеко. Второй — справа. Потом почти одновременно третий — сзади, там, где кусты росли плотнее.

По кругу.

— Мелкие, — сказал Владимир так тихо, что это было скорее выдохом. — Быстрые.

Андрей провёл пальцем по экрану и открыл меню турелей. Дешёвый интерфейс думал слишком долго, и это злило почти физически — как задержка дыхания в момент, когда тебе нужен воздух.

Режим: **патруль**.

Он ткнул: **боевой**.

Планшет завис на долю секунды. Внизу пробежало: **СИНХРОНИЗАЦИЯ...** — и сразу следом: **ОШИБКА КАНАЛА ТЗ**.

Третья турель, ближе к низине. «Нестабильный канал», предупреждал статус ещё вечером. Андрей тогда отмахнулся: *потом*. Лес не любил «потом».

— Третья не встала, — шепнул он.

Владимир кивнул — как будто ожидал.

— Держи сектор сам.

Андрей уже держал. Винтовка оказалась в руках так быстро, что он не запомнил момент. Просто — холодный металл под ладонью, знакомый вес, прицел, который ловит тьму не глазами, а привычкой.

Купол мерцал едва заметно — не светом, а тем, как воздух на границе делал мир чуть «кривее». Тонкий гул поля шёл не в уши — в кости, через землю.

Смотри по искажению.

Первый удар пришёл без рыка и без разгона. Воздух у купола дрогнул, как от горячего выдоха, и из этой дрожи влетело что-то тёмное, длинное, слишком быстрое.

Турель щёлкнула сухо, будто откашлялась.

Импульс.

В темноте вспыхнула точка попадания — белым, мгновенным разрядом. Силуэт срезало так резко, что Андрей почувствовал это даже не глазами — телом, как удар по натянутой верёвке.

Тварь ударилась о плёнку барьера и сползла вниз, оставляя дымящийся след на воздухе — след тут же размылся, будто его не было. На землю у края лагеря упала туша — ещё тёплая. Пахло жжёным и кислым.

Есть.

И почти сразу — ответ.

Два, три, четыре силуэта бросились на купол с разных сторон. Не как звери, которые хотят прорваться. Как инструменты, которые тестируют материал.

Купол загудел сильнее. Воздух у границы стал густым, как стекло, и на долю секунды звёзды за ним поплыли. Андрей почувствовал вибрацию в подошвах — земля под ним чуть дрожала, хотя никто не подходил вплотную.

Две турели дали импульсы почти одновременно. Ещё один силуэт, не успев отскочить, упал рядом с первым.

Но остальные не ушли.

Они били по периметру короткими резкими касаниями — синхронно, будто считали удары в одной голове. Андрей видел на планшете, как полоска заряда купола дёрнулась вниз. Небольшая просадка — но заметная.

Они не «войти». Они «выжечь».

— Заряд? — коротко спросил Андрей, не отрывая прицела от тьмы.

— Падает, — так же коротко ответил Владимир. — Держит.

Стая отступила на шаг — и стала умнее. Трески пошли по окружности. Шорохи — дальше. Они обходили лагерь, держась на дистанции, где турели видят хуже, а человек слышит уже поздно.

Андрей перевёл взгляд по секторам, пытаясь поймать закономерность. Одна турель поворачивалась чаще других — ловила движение, пыталась сопровождать, но не стреляла. «Цели нет». Слишком быстро. Слишком на границе чувствительности.

И тут — визг металла.

Левая турель, ближе к кустам, дала длинный импульс, потом второй. Корпус дёрнулся, будто её ударили изнутри. На ней вспыхнул красный индикатор:

ПЕРЕГРЕВ. ОТКЛЮЧЕНИЕ.

Она замолчала.

И почти сразу — удар именно в её сектор.

Тьма у купола там дрогнула сильнее. Силуэт не «проверял». Он шёл в пробой — нагло, прямо, быстро.

— Вот они, — выдохнул Андрей.

Он не стал ждать, пока турели «подумают». Это было бы их смертью.

Он сместил прицел чуть вперёд движения — не по телу, по траектории. *Стреляй туда, где будет.*

Выстрел.

Импульс винтовки ушёл в ночь без красивых эффектов — бедная техника не умела красиво. Только короткий толчок в плечо и тонкий сухой звук разряда.

Первую тварь срезало на подлёте. Она ударилась о плёнку и отлетела, как резиновая, но не упала сразу — когти цепанули воздух у границы, и она заскользила вдоль, будто искала «шов».

Вторая уже была рядом.

Андрей дал второй выстрел — снова упреждение. Попал. Тварь дёрнулась, но вместо отступления изменила угол и врезалась в купол так, что поле загудело ниже, тяжелее.

И тут третья сделала то, чего Андрей не ожидал.

Она не ударила телом. Она прижала морду к плёнке — узкую, влажную, зубастую, — и барьер прогнулся внутрь, как натянутая прозрачная кожа. Не пустил, не пропустил — просто вдавился, подавая пасть ближе. На расстояние ладони от Андрея. Этого хватило, чтобы по спине прошёл холодок.

Отступать было некуда: за ним — Владимир, генератор, их ночь.

Не касайся плёнки.

Андрей вскинул винтовку — и задержал палец.

Один выстрел в такую дистанцию был бы самым простым решением. Но простое здесь значило дорогое. Турели уже жрали заряд. Сеть проседала. Тратить ещё импульс на одну тварь, которая сама подставила горло, показалось глупо.

Нож — дешевле. Быстрее. Тише.

Он рванул винтовку на ремень — приклад ударил по спине. Выдернул нож. Нож был простой, рабочий: тёмная рукоять, свежая правка по кромке.

Тварь снова вдавила плёнку, глубже, наглее.

Андрей шагнул ближе, на полшага — ровно столько, чтобы достать.

Ударил не в морду — в горло, туда, где движение ломает всё сразу. Лезвие прошло наружу через барьер почти без сопротивления — выпуск — и вошло в плоть с сухим, вязким ощущением, будто в тугую резину.

И сразу стало ясно, где он просчитался.

Он оказался слишком близко. Костяшки почти мазнули по плёнке. Поле отозвалось колкой вибрацией, будто ударило в кости, и планшет дёрнулся, как живой. Полоска заряда просела резко, рывком — не на долю, а куском.

Андрей выдернул нож обратно, уже понимая:

он сэкономил выстрел и заплатил барьером больше, чем отдал бы оружием.

Тварь обмякла и сорвалась с плёнки наружу. Прогиб выпрямился, и воздух на границе снова стал «ровнее». На земле у края лагеря туша дёрнулась и затихла.

Андрей отпрянул назад, выдернул нож и сделал шаг ещё — чтобы точно не касаться плёнки. Сердце билось слишком громко, будто хотело выдать его местоположение всем деревьям сразу.

Живой.

Стая отреагировала мгновенно. После трёх потерь она перестала лезть в лоб и снова ушла в круг — но круг стал плотнее. Они искали сектор, где турель молчит. Они уже знали.

— Андрей, — Владимир сказал быстро и тихо. — Дай турелям общий импульс. Пусть бьют вместе. Пугать — лучше, чем ловить по одной.

Андрей схватил планшет. Пальцы были в крови — не своей, но от этого экран стал скользким. Он нашёл синхронизацию огня. Дешёвая система сопротивлялась: меню дрожало, значки плавали, будто батарея ругалась на жизнь.

Он включил: **СВЯЗКА Т1–Т2–Т4.**

Третья всё ещё светила ошибкой.

— Держи три, — повторил Владимир. — Я — купол.

Андрей глянул через плечо.

Владимир уже был у генератора. Присел рядом, сорвал боковую крышку, коротко выругался сквозь зубы и вжал ладонь в блок отвода, будто мог удержать перегрев руками. Из щели тянулся дымок. На индикаторе ползла температура. Старик щёлкал тумблерами быстро, без суеты, перекачивая нагрузку с барьера, чтобы тот не сложился раньше времени.

Вот что он делал вместо стрельбы: удерживал им ночь.

Стая пошла снова — не одним ударом, а серией быстрых касаний по периметру. Проверка, давление, отскок. Они учились на ходу.

Андрей — тоже.

Он больше не лез в упор. Ждал подлёта. Стрелял так, чтобы цель падала до контакта с плёнкой. Когда видел, что тварь слишком близко, он не «добивал» ножом — смещался на шаг, чтобы барьер не тратил заряд на лишний контакт.

Дистанция. Всегда дистанция.

Турели, связанные в один ритм, начали отвечать иначе. Не одиночными щелчками, а короткими синхронными сериями — как будто лагерь вдруг получил свой пульс.

Силуэт — вспышка — падение.

Ещё один — вспышка — падение.

Третий успел уйти, но получил по боку. В темноте раздался короткий высокий писк — не рык, а сухой звук боли, почти механический.

И после этого стая, наконец, поняла: здесь не «слабая добыча».

Она не убежала в панике. Она ушла правильно — так, чтобы не дать им добить себя лишними импульсами. Трески веток начали удаляться, шорохи растаяли в той же тишине, из которой пришли.

Турели ещё минуту «искали» — поворачивались, щёлкали приводами, но уже без огня.

Андрей стоял, держа винтовку, и чувствовал, как дрожат пальцы. Не от холода. От того, что он был на сантиметр от смерти — и успел.

Владимир подошёл к нему, не приближаясь к плёнке, и смотрел в темноту.

— Не гонись, — сказал он.

Андрей и не собирался. Он слишком хорошо знал: победа в лесу — это когда ты остался на месте.

Владимир прошёл по периметру — медленно, внимательно, будто глазами ощупывал воздух. Андрей шёл за ним в двух шагах, прикрывая, потому что так было правильно.

У края, где лежали туши, пахло жжёным и сырым мясом. Существа были небольшие — меньше волка, но длиннее, гибкие. Андрей не стал разглядывать долго. Сейчас это был мусор, который привлекает других.

— Утром уберём, — сказал Владимир, словно понял, куда Андрей смотрит. — Сейчас — не трогай.

Он остановился у перегревшейся турели, присел, коснулся корпуса тыльной стороной ладони — осторожно.

— Живая, — сказал он. — Но утром. Пусть остынет.

Андрей кивнул. В голове звенело от адреналина, и хотелось говорить хоть что-нибудь — лишь бы снова почувствовать себя человеком. Но Владимир был прав: слова — тоже расход.

Они вернулись к центру. Костёр был задушен тканью, под ней оставались только угли — почти без света. Купол мерцал чуть сильнее, чем раньше, — как уставший человек, который держит спину прямой через силу.

Владимир снова накрыл панель генератора ладонью и посмотрел заряд.

— Потеряли прилично, — сказал он.

Андрей, всё ещё держа винтовку, наконец выдохнул — длинно, с дрожью.

— Из-за того, что они давили, — сказал он. — И... когда я полез к плёнке.

Он не оправдывался. Фиксировал факт — как след.

Владимир посмотрел на него.

— Запомнил?

— Запомнил, — ответил Андрей коротко.

И в этой короткости он почувствовал: это и останется. Не картинка. Правило.

Владимир помолчал и неожиданно мягко сказал:

— Руки у тебя не дрогнули.

Андрей усмехнулся автоматически — чтобы не стало слишком серьёзно.

— Дрогнули. Просто позже.

— Позже — нормально, — Владимир сел на коврик, не убирая нож далеко. — Страх после — признак жизни. Плохо, когда его нет.

Андрей опустил голову напротив, чувствуя, как ноги становятся ватными.

— Я чуть не... — он не договорил. Не хотелось произносить слово, которое лес и так знает.

Владимир кивнул, словно услышал полное предложение.

— «Чуть не» — это работа, — сказал он. — Ты сделал всё правильно, кроме одного.

Андрей напрягся.

— Чего?

— Хотел сэкономить выстрел, — сказал Владимир. — Решил, что ножом выйдет дешевле. А вышло наоборот. Запомни: близко — всегда дороже. По заряду. По крови. По ошибке.

Андрей кивнул. Внутри шевельнулось упрямство — *а если иначе нельзя?* — но он удержал. Владимир говорил не «как должно быть». Он говорил «как выживает».

Владимир поднял взгляд на купол — на то, как плёнка искажает звёзды.

— Ты ещё хочешь туда? — спросил он вдруг.

Андрей хотел ответить «да» привычно, быстро — как на мечту. Но после боя «да» стало другим. Не романтикой. Направлением, которое стоит дороже.

Он посмотрел на свои руки — на кровь на пальцах, на грязь под ногтями.

— Хочу, — сказал он. — Но... не так.

— И не будет так, — спокойно ответил Владимир. — Там тоже будет цена. Просто другая.

Андрей снова усмехнулся, чтобы не провалиться.

— Ну, хоть без этих... — он кивнул в сторону тьмы, где стая растворилась.

Владимир едва заметно дрогнул уголком губ.

— Будут другие, — сказал он. — Везде свои.

Они замолчали. Усталость накатила снова — тяжёлая, честная. Но теперь в ней было странное спокойствие: ты не умер.

Владимир лёг первым — не «в сон», а в готовность. Андрей лёг следом, оставив винтовку так, чтобы схватить на ощупь.

Купол держался.

Турели снова перешли в тихий патрульный поворот — осторожный, экономный.

Лес молчал так же, как молчал раньше. Но теперь Андрей знал: это молчание — не пустота. Это пауза между проверками.

Глава 2. След Хищника

Пауза между проверками кончилась не криком, а серым рассветом.

Серый рассвет не делал лес добрее — просто вынимал из тьмы детали, которые ночью прятались за страхом. Влажный воздух лип к лицу и пах копотью, кислым жжёным мясом и мокрой землёй. Андрей поднялся первым, потому что тело всё равно не дало бы спать: адреналин ушёл, оставив тяжесть в плечах и неприятную пустоту в животе.

Купол ещё держался, но уже не «ровно». На границе поля воздух чуть дрожал, как над нагретым камнем, только камня не было — была энергия, которую они ночью выжгли контактами и ударами.

Андрей прошёлся по центру лагеря, собирая привычный порядок руками: ткань, которой душили костёр, в сторону; коврик свернуть так, чтобы не тянул влагу; винтовку — на ремень, но не за спину, чтобы снять одним движением. Мелочи здесь не были аккуратностью — это была экономия ошибок.

Он остановился у турели, что ушла в перегрев. Корпус выглядел как вчера, но при дневном свете стало видно подпал: тонкая чёрная дуга на боку, будто кто-то провёл по металлу раскалённым пальцем. Андрей провёл по месту тыльной стороной ладони — осторожно. Тёплая. Значит, не просто «моргнула индикатором», а реально работала на пределе.

Планшет отозвался не сразу. Экран проснулся с задержкой, будто тоже не хотел в этот день. Андрей выкрутил яркость вниз и открыл периметр. Сканер дал ровную картинку: никаких точек, никакой «паузы неправильной тишины». Радиус чистый — по крайней мере, настолько, насколько их бедная электроника вообще умела «чисто».

Шаги за спиной он услышал раньше, чем увидел. Владимир подошёл без слов, как всегда — не «подкрался», а просто оказался там, где должен.

— Утром легче ошибиться, — сказал он негромко.

Андрей кивнул, не споря. Утро всегда подкупало видимостью контроля: свет, видимость, будто опасность ушла. На деле она просто меняла форму.

— Турель живая, — Андрей показал на подпал. — Но ей бы остыть... и я бы контакты посмотрел.

Владимир наклонился, бросил быстрый взгляд на корпус, на упоры, на кабельный хвост к питанию.

— Посмотрим потом, — отрезал он. Не грубо — как решение. — Сейчас важнее другое. «Другое» они оба знали: добыча, путь, заряд, время. Лес не давал ремонтных смен.

У края купола лежали туши — те, что ночью не успели уйти. При свете они выглядели ещё неприятнее: гибкие, длинные, с узкими мордами и мокрой зубастой пастью. На некоторых — обугленные пятна от импульсов; у одной шея была распоротой, и Андрей на секунду вспомнил холодную вибрацию плёнки у своих костяшек. Внутри неприятно кольнуло — не страхом, а злостью на себя за лишнюю близость.

Владимир посмотрел на туши так, как смотрят на мешки с мусором, которые всё равно надо вынести.

— Перекупщик даст копейки, — сказал Андрей, озвучивая очевидное, чтобы не молчать о неприятном.

— Даст, — подтвердил Владимир. — И всё равно возьмёт.

Андрей не двинулся.

— Если это бросим, а со стадом не выйдет, вернёмся с пустыми руками. И с просевшим ресурсом. Очень умно получится.

Владимир перевёл взгляд с туш на лес за куполом.

— А если потащим, весь день будем везти за собой кровь.

Андрей молчал.

— За свежим мясом лес редко приходит мелочью, — добавил Владимир.

Это прозвучало буднично, без нажима. Оттого неприятнее.

Андрей ещё раз посмотрел на длинные тела у кромки поля. Ночь уже была оплачена. Бросить добычу значило будто признать, что они выжили зря.

— Всё равно брать, — сказал он.

Владимир задержал на нём взгляд на секунду дольше обычного. Не споря. Проверая, это упрямство или расчёт.

— Берём, — согласился он. — Но запомни. Если дальше станет тесно — сбросим без спора.

— Понял.

Это было про город вообще: запретить — легко, отказаться — сложнее. Город мог делать вид, что охоты «нет», но мясо в пайках не появлялось из воздуха. И всё же здесь, у дрожащей границы купола, эта логика пахла не пайком, а приманкой.

Андрей вернулся к грузовику и открыл отсек с дронами-погрузчиками. Три аппарата лежали на креплениях, как сложенные насекомые: суставы, захваты, потёртые кожухи, местами стяжки вместо штатных защёлки. Четвёртый был рядом, но индикатор на нём подмигивал слабее — «низкий заряд» он помнил ещё со вчера.

— Поднимай троих, — бросил Владимир. — Четвёртого береги. Ещё пригодится.

Андрей подключился планшетом, дождался, пока интерфейс перестанет «думать», и дал команду. Дроны поднялись с коротким гулом, не синхронно — каждый чуть по-своему, как старые инструменты, которым нужен характер, чтобы работать. Они пошли к краю купола, захватывая туши механически, без брезгливости и без спешки.

На второй туше один захват взял неудачно. Тело сорвалось с полуметра, шлёпнулось на землю и потащило за собой липкую полосу по пыли. Андрей коротко выдохнул сквозь зубы.

— Не валяй, — сказал он дрону так, будто тот мог устыдиться. — Закрепляй по два на стропу.

Он понимал, что машинам всё равно, каким тоном с ними говорят. Но голос помогал держаться в «работе», а не в воспоминаниях ночи.

Пока дроны таскали добычу к грузовику, Андрей свернул лагерь по привычной схеме: турели в транспортный режим, питание в минимум, чтобы не греть зря; купол — снять последним. Он подошёл к генератору, где Владимир уже стоял на колене, проверяя его состояние после ночи.

Владимир шурился в индикаторы, разок стукнул ногтем по кожуху. Между зубов у него на секунду проскользнул тонкий короткий свист — несколько ровных нот, тихих настолько, что их легко было принять за обычный выдох. Шкала на дисплее перестала плавать, и он сразу ткнул пальцем в экран.

Владимир молча показал цифру. Андрей не увидел конкретных процентов — увидел выражение лица старика, и этого хватило.

— Много? — спросил Андрей.

— Достаточно, чтобы не повторять ночь, — ответил Владимир.

Это означало: запас есть, но «на несколько суток» уже не звучит даже для него.

Когда купол выключили, воздух будто стал тяжелее. Не физически — психологически: исчезла ровная граница «внутри/снаружи». Лес снова был везде.

Андрей поднялся в кабину внедорожника, провёл пальцем по панели стабилизации. Машина на грав-подушке держалась над землёй ровно, но Андрей слышал — гул стал чуть ниже. Или ему так казалось после ночи.

Планшет, подключённый к общей сети, наконец выдал карту с отметками движения — редкие точки, шум, и одна вещь, от которой у Андрея внутри стало плотнее: крупная масса на востоке.

— Стадо, — сказал он, больше себе. — Два часа хода.

Владимир заглянул через плечо. Не близко — на расстоянии, чтобы не мешать.

— Далёко, — сказал он.

— Но крупное, — Андрей ткнул в прогноз по весу. — Если расчёт не врёт.

Владимир помолчал. Андрей уже знал, что сейчас в голове старика идут не «желание» и не «страх», а бухгалтерия: заряд, дорога, риск встречи с проблемой по пути, время до темноты, груз в кузове, который уже сам по себе стал риском.

— Город будет врать, что ему это не нужно, — сказал Андрей, не выдержав. — А потом будет жрать и штрафовать тех, кто принёс.

Владимир посмотрел на него спокойно.

— Город не врёт. Он считает, — сказал он. — Запрет — чтобы люди не уходили далеко.

Мясо — чтобы люди не умирали быстро. Им нужен баланс, не правда.

— А нам? — Андрей усмехнулся криво. — Нам нужен шанс не умереть вообще.

Владимир не ответил сразу. Потом кивнул на экран.

— Идём, — сказал он. — Но без геройства. Один заход. Если что-то не так — разворот. Без «ещё чуть-чуть».

Андрей хотел автоматически пошутить — чтобы разрядить, как всегда. Но после ночи шутка не лезла. Он просто кивнул.

— Понял.

Они двинулись: внедорожник впереди, грузовик — следом на автопилоте. Тяжёлая машина плыла над почвой, выдвигаемые упоры убрались с короткими щелчками, и гул поля стал ровным, но уставшим, как дыхание человека после бега.

Лес в утреннем свете выглядел иначе: меньше «чёрных дыр», больше деталей, от которых не легче. Мокрые стволы, тёмная трава, нити тумана между корнями. На стекле кабины собиралась тонкая плёнка влаги, и Андрей время от времени проводил по ней перчаткой — не потому что не видел дорогу, а потому что движение успокаивало.

Через минут десять, когда лагерь уже остался позади, Владимир сказал:

— Ночью ты сделал правильно. Не вышел за купол.

Андрей коротко хмыкнул.

— Я бы не успел далеко. Ты бы меня пристрелил за расход.

Владимир не улыбнулся, но в голосе появилась та самая едва заметная мягкость, которой у него было мало.

— Я бы тебя вернул, — сказал он. — А пристрелил бы лес.

Андрей снова посмотрел на карту. Стадо «держалось» — отметка не исчезала, значит, это не разовый шум. Но Андрей всё равно не расслаблялся: их сенсоры были бедные, мир — дорогой.

Молчание в кабине стало рабочим. Только гул грав-подушки, редкие сигналы планшета и далёкий, почти неслышный скрип металла где-то в грузовике — как напоминание, что всё это держится на ремонте и привычке.

Когда туман чуть разошёлся, на мгновение между кронами показался кусок неба — бледный, вымытый рассветом. Звёзд уже не было, но Андрей всё равно поймал себя на том, что ищет их глазами, как привычный ориентир.

— Забавно, — сказал он наконец, не глядя на Владимира. — Ночью звёзды видны, когда страшно. Днём — когда вроде можно жить — их нет.

Владимир тихо «хмыкнул».

— Днём у тебя другая работа, — сказал он.

— А ночью другая мечта, — Андрей не удержался и добавил с кривой усмешкой: — Экономная. По прямой.

Владимир повернул голову, и Андрей краем глаза заметил, как старик машинально тронул грудь — туда, где под одеждой прятался кулон. Не демонстративно. Как проверяют, на месте ли важная вещь, когда дорога становится сложнее.

— По прямой не бывает, — повторил Владимир, но уже без назидания. Как правило, которое они оба вчера ночью оплатили.

Внедорожник мягко обошёл участок старого камня, где корни торчали из земли, как рёбра. Андрей держал скорость в «экономном» режиме, хотя хотелось прибавить — быстрее добраться, быстрее сделать, быстрее вернуться под стены. Но «быстрее» в лесу почти всегда означало «глупее».

На экране стадо было всё ближе. Крупная масса, медленное движение, несколько точек по краю — охрана? молодняк? Андрей не знал. И это раздражало: в городе, если ты чего-то не знаешь, ты можешь спросить. Здесь вопрос стоил заряда и крови.

— Подойдём с подветра, — сказал он скорее как напоминание себе, чем совет.

Владимир кивнул.

— И смотри на отход, — добавил он. — Не только на добычу.

Андрей снова почувствовал ту же самую вещь, что ночью: уважение к старому человеку, который держит их живыми не «силой», а дисциплиной. И одновременно — другую мысль, уже не такую мальчишескую и оттого более опасную.

Не просто *принести достаточно*.

Принести столько, чтобы это перестало быть очередной неделей пайков.

Один большой заход. Один по-настоящему жирный выезд. Такой, после которого шанс выглядит уже не сказкой, а цифрой. Шагом. Не отсюда — вверх.

Мысль пришла резко и неприятно, как честная боль в ушибе. Андрей даже не сразу понял, что в ней больше пугало: жадность или то, насколько она казалась разумной.

Он не произнёс этого вслух. В кабине было достаточно звуков, которые уже стоили дорого.

Лес впереди начал редеть слишком быстро. Между стволами пошёл более бледный свет — не утренний, а открытый. Пространство менялось. Андрей ещё не видел долину, но уже чувствовал, как меняется воздух: меньше сырости, больше сухой пыли.

Потом через руль пришла едва заметная дрожь.

Не удар. Не звук. Просто глухое, ровное дрожание, будто где-то впереди под землёй работало что-то слишком большое для этого леса.

Андрей убрал ногу с тяги сам, раньше, чем успел подумать почему.

Владимир перестал смотреть в планшет.

— Тихо, — сказал он.

Через руль шло глухое, ровное дрожание.

Деревья впереди редели слишком быстро.

Лес отпустил их резко — не постепенно, а будто оборвался у самого капота.

Андрей сбросил тягу ещё до того, как внедорожник вышел из-под деревьев полностью. Грав-подушка мягко просела, удерживая машину над жёсткой почвой, и глухое дрожание в руле стало чуть явственнее. Впереди между ределящими стволами уже лежал другой свет — бледный, сухой, пыльный, совсем не лесной.

— Стой здесь, — сказал Владимир.

Андрей кивнул, вывел машину к самой кромке и остановил. Грузовик позади тоже замер, тяжело осев на ровном гуде поля.

Он открыл дверь и спрыгнул вниз.

Лес остался за спиной сразу, как закрытая дверь. Ещё секунду назад вокруг была влажная тень между стволами, воздух цеплялся за кожу, пах мокрой землёй и листвой. А здесь, на краю долины, в лицо ударило сухим жаром.

Не солнцем — пылью. Тёплой, мелкой, как мука, она висела внизу слоём и липла к губам, стоило вдохнуть чуть глубже. Под ногами трава становилась редкой, жёсткой, с серыми прожилками, будто здесь землю давно выжали и забыли вернуть влагу.

И был звук.

Низкий, почти не слышный — скорее ощущение, чем гул. Он шёл не в уши, а в зубы и в кости, как если бы где-то под подошвами работала огромная, медленная машина, которую никто не обслуживал. Листья на кустах у кромки долины дрожали, хотя ветра не было. Андрей поймал себя на том, что смотрит на них, как на индикатор: если дрожит зелень — значит, дрожит всё.

Андрей лёг животом на холодный камень, торчавший из земли ребром, и выдвинул планшет. Экран отозвался лениво, будто на сухом воздухе контакты думали дольше. Он выкрутил яркость почти в ноль и поймал на карте массу стада: большая, расплывчатая отметка, не точка — пятно.

— Там, — сказал он очень тихо, хотя они и так были одни.

Владимир устроился рядом, на колене, так, чтобы видеть край долины и не выдать силуэт. В планшет он смотрел недолго — бросил один взгляд и снова ушёл глазами в реальность, как всегда делал. Экран мог врать. Земля — реже.

Гул под ними пошёл волной. Андрей не услышал «начало» — просто в какой-то момент понял, что вибрация стала другой: плотнее, собраннее, как если бы под землёй что-то ответило на шаги стада.

Он поднял голову и наконец увидел их.

Внизу, в долине, медленно текли гиганты — не стадо в привычном смысле, а движущаяся масса. Широкие спины, толстая кожа, местами в складках и наростах, словно броня выросла сама. Они шли не бегом и не рывками — ровным, синхронным шагом, и от этого казалось, что двигается сама долина: земля под ними проседает, потом возвращается.

И снова — волна гула. Подошвы Андрея, даже через ботинки, ловили её как пульс.

Планшет пискнул коротко — не тревогой, а тем раздражающим «пиком», который он ненавидел в тишине. На экране вспыхнула точка справа. Потом ещё одна сзади. Потом обе исчезли.

Андрей замер.

Помехи? Или нас обходят?

Он ткнул пальцем в фильтры, сбросил масштаб, заставил систему пересчитать всё заново. Экран мигнул, и вместо «понятнее» стало хуже — отметки посыпались короткими всплесками вокруг их позиции, как искры от плохо изолированного кабеля.

— Сыпется, — прошептал он.

Владимир даже не повернулся.

— Не верь, — так же тихо сказал он. — Смотри.

Смотреть было проще, чем верить, но и смотреть требовало времени.

Внизу стадо подходило к месту, которое Андрей заметил ещё по карте: узкая горловина между двумя сухими каменными грядами. Там можно было отсечь край, выбить одну тушу и быстро утащить, не ввязываясь в бойню. План был не красивый — рабочий.

Он уже хотел показать проход Владимиру, но замолчал сам: стадо менялось ещё до того, как вошло в сужение.

Крупнейшие особи по краям начали смещаться. Не бегом, не в панике. Они заранее закрывали узость, выставляя по бокам самые тяжёлые тела так, будто знали, где их попытаются резать.

Под рёбрами прошёл неприятный холодок — не страх, а чувство, что тебя читают раньше, чем ты успел открыть рот.

Слишком умные? Или мы слишком предсказуемые?

Он поймал себя на другой мысли — почти смешной на фоне этих масс: *насколько же сильный у них настоящий хищник, если они так ходят?* Стадо, которое заранее ставит стенку, не рождается из спокойной жизни.

Ветер, которого не было, вдруг пришёл одним коротким движением — словно кто-то повернул ладонью воздух. Андрей почувствовал, как сухая пыль меняет направление, и понял раньше, чем успел выругаться: их запах — дым от ночи, металл, человеческий пот — ушёл вниз, прямо в стадо.

Ближайшие гиганты синхронно развернули головы.

Не взревели. Не сорвались. Просто повернули — одинаково, как механизмы. Андрей физически ощутил, как напряжение проходит по массе волной: шеи стали жёстче, шаг — плотнее. Гул под землёй опустился ещё ниже.

— Засекли, — выдохнул он.

Владимир медленно вытащил из подсумка оглушающий заряд — не гранату в городском смысле, а маленький цилиндр с потёртым корпусом и трещиной на стяжке. Дешёвая вещь. Свою цену она уже сказала видом.

— Быстро, — сказал Владимир. Не приказом — решением. — Коридор. Один.

Андрей кивнул. Поднял винтовку, упёр приклад в плечо и на мгновение прислушался к собственному дыханию: сухой воздух резал горло, напоминая, что здесь другие правила.

Владимир выждал момент, когда край стада поравнялся с горловиной, и бросил заряд вниз, по дуге, без размаха. Цилиндр исчез в пыли, будто его проглотила долина.

Импульс пришёл через секунду.

Не оглушающий. Не тот, что должен был дать место панике. Просто короткая дрожь воздуха — и глухой хлопок, как если бы кто-то ударил ладонью по мокрому ковру.

Стадо почти не сдвинулось.

Пара голов дёрнулась. Одна особь сделала шаг в сторону — и тут же вернулась в строй. Масса продолжала течь.

У Андрея в груди поднялась злость — не на стадо даже, а на их бедность, которая опять проявилась самым простым: *сработало слабее*.

— Чёрт, — прошептал он.

Владимир уже держал второй заряд. Его рука не дрожала — только в движении была та самая экономия: ничего лишнего, всё по делу.

Второй импульс вышел сильнее. Воздух над долиной будто присел, пыль приподнялась и тут же осела. Листва у их камня дрогнула так, словно ветер ударил снизу.

Но стадо не сорвалось.

Оно перестроилось.

Задние ряды чуть притормозили, передние — ускорились, и общий поток стал быстрее без разрыва, без паники. И между слоями, на мгновение, открылся просвет.

В этом просвете появилась цель.

Она шла медленнее остальных, ровным шагом, будто сэкономила боль. На боку — тёмное пятно, не грязь: кровь, уже подсохшая на жаре. Стадо словно само держало ей дорожку: не давило сзади, не бросало. Но одновременно — выставляло её в линию, где Андрей мог стрелять, не превращая всё в мясорубку.

Андрей поймал прицел. Цель была большая — но не лёгкая. В таких размерах ошибка означала не промах, а проблему: раненая масса, которая не падает сразу.

Он выдохнул, сделал упреждение по шагу — и выстрелил.

Импульс ушёл сухо, без красивого света. На коже зверя вспыхнуло белым пятном, и он рухнул — тяжело, будто земля приняла долг.

Андрей уже хотел выдохнуть, но зверь дёрнулся.

Пытаясь подняться.

Ноги под ним дрожали, как у сломанного домкрата. Он издал низкий звук — не рёв и не визг, а долгий гул, который лёг на общий фон и вдруг изменил его рисунок. Как команда.

Стадо ответило сразу: движение перестало быть уходом. Краевые гиганты начали смещаться внутрь, закрывая просвет, а несколько самых крупных повернули к месту падения и пошли шагом обратно.

Не яростно. Неотвратимо.

— Забираем, — выдохнул Владимир.

Андрей ткнул в планшет, вызвал дронов с грузовика. Три аппарата поднялись с далёким гулом, один за другим, и пошли над верхушками кустов к долине. Их движение было нервным — дешёвые контуры удержания чуть подрагивали на сухом воздухе.

Четвёртого, слабого, он не трогал.

Дроны вошли в долину и зависли над тушей. Захваты раскрылись. Андрей уже мысленно видел, как они цепляют стропы, как туша идёт вверх, как они уходят назад — быстро, пока стадо ещё не дошло.

И тут один дрон заглох.

Не упал камнем — завис, будто задумался, потом дёрнулся, как марионетка, у которой перерезали нитку. Индикатор на планшете мигнул: канал управления стал серым. Аппарат повис секунду — и медленно начал проседать, пока не ткнулся в пыль и не лёг на бок, подняв короткое облако.

Андрей выругался сквозь зубы.

Планшет снова сыпал отметками — не только вокруг них, но и вокруг туши. Шум, всплески, исчезновения. Система больше мешала, чем помогала.

— Помехи, — сказал он, хотя это и так было видно.

Владимир уже опустился на одно колено и сразу понял по планшету Андрея, что дальше придётся делать руками. Он достал свой старый модуль связи — ещё один кусок бедной техники, который жил только потому, что Владимир умел заставлять железо слушаться.

— Держи стадо, — коротко сказал он. — Я подниму.

Андрей встал выше, чтобы видеть долину полностью. Он понимал: стрелять по крупным — бессмысленно. Не потому, что не пробьёт. Пробьёт слой, даст ожог, выжжет пятно. Но масса не остановится от пятна. А каждая лишняя секунда — это риск, что тебя просто раздавят или вытолкнут в открытое, где нет камня, нет укрытия, только пыль и сухой воздух.

Крупные особи приближались. Их шаги не звучали топотом, но земля под Андреем отвечала вибрацией, и эта вибрация совпадала с тем самым низким гулом, который шёл волнами.

Один из гигантов поднял голову и посмотрел вверх — не на дрон, не на тушу, а туда, где были они. Андрей почувствовал странную вещь: взгляд не был злым. Он был оценивающим.

Два рабочих дрона всё-таки зацепили стропу. Туша чуть приподнялась — сантиметры, потом десятки. Но вес был огромный, и аппараты натужно загудели, выдавая мощность на пределе. Их поле дрожало, пыль под тушей закрутилась кольцами.

Андрей сделал шаг назад от кромки камня, чтобы не выдать силуэт. Пальцы на винтовке стали липкими — не от пота даже, а от сухой пыли, которая превращала кожу в наждак.

Владимир быстро щёлкал на модуле, перезапуская связь. Его движения были точными, но в них чувствовалась злость — не эмоциональная, а техническая: когда железо не слушается в момент, где оно обязано слушаться.

Крупные подошли ближе. Они не атаковали — выдавливали. Шаг за шагом, сжимая пространство, заставляя людей уйти с камня и оказаться ниже, ближе к открытой долине.

Андрей понял: ещё немного — и они окажутся на голой пыли, а там любое движение будет видно, и любое падение — конец.

— Давай же, — прошептал он, не то Владимиру, не то технике.

И сам же ткнул в боковую панель планшета.

Контур внедорожника у кромки леса мигнул, приняв команду. Машина отозвалась не сразу — будто тоже думала слишком долго. Потом слева, за их спинами, поднялся знакомый низкий гул поля. Внедорожник не пошёл к ним — только сдвинулся вдоль кромки, качнул сухую траву, поднял пыль и дал звук.

Именно на это Андрей и рассчитывал.

Не на спасение. На полсекунды чужого внимания.

Несколько гигантов и правда подняли головы. Один повернул морду в сторону гула. Другой притормозил на шаге. Пространство перед камнем будто чуть отпустило.

Но смотрели они не на машину.

Андрей понял это сразу — по тому, как головы повернулись ещё дальше. Мимо кромки леса. Мимо внедорожника. Туда, где дальний край долины вдруг стал неправильным: пыль там шла не так, как должна, и низкий фон под землёй сбился с ритма.

У него внутри коротко похолодело.

Обычно шум работал. Почти на всём живом шум работал хотя бы как спор за внимание. Сейчас — нет. Его уловка была слишком мелкой. Значит, рядом было что-то, что уже перевешивало и машину, и тушу, и их самих.

И в этот момент стадо остановилось.

Не полностью — задние ещё двигались, но передняя масса замерла на долю секунды, и Андрей почувствовал, как эта пауза прошла по долине, как ток по мокрому кабелю. Несколько гигантов синхронно подняли головы — все в одну сторону, туда же.

Гул изменился. Стал рваным. Волны пошли быстрее.

Листья у их камня снова дрогнули — и опять без ветра.

Крупные особи, которые уже почти дошли до туши, развернулись. Без паники. Организованно. Как будто получили сигнал, который важнее, чем раненый.

И стадо начало уходить.

Не бегом. Тем же слоистым режимом: задние ускорились, передние держали темп, масса стекала из долины, оставляя за собой пыль и низкий дрожащий фон, который быстро отдалялся.

Андрей выдохнул так, будто до этого держал лёгкие закрытыми.

— Что это было?.. — начал он.

Планшет в руке дал глухой сигнал — совсем другой, чем прежние пики. Тяжёлый, почти стыдливый звук, который дешёвая система оставляла для настоящего.

На экране появилась свежая отметка.

Не всплеск и не шум.

Одна точка — плотная, уверенная, быстро приближающаяся с той стороны, куда стадо только что смотрело.

Андрей почувствовал, как у него внутри снова становится тесно — как ночью под куполом, когда тишина была неправильной.

Владимир поднял голову от модуля, и Андрей увидел по его лицу: старик понял по звуку, ещё не глядя.

— Поднимай тушу, сколько есть, — сказал Владимир тихо. — И готовь разворот. Это не на машину смотрит.

Андрей посмотрел вниз: два дрона держали стропу, туша висела низко — слишком низко для скорости. Третий дрон лежал в пыли, мёртвый по каналу. Время снова стало ресурсом, который кто-то списывал без разрешения.

Он сжал винтовку, как будто металл мог добавить уверенности, и ещё раз глянул на точку на экране.

Та шла к ним без колебаний.

Сухая пыль внизу всё ещё висела слоём — тёплая, мелкая, липкая к губам. Воздух над долиной дрожал не от ветра — ветра не было, — а от вибрации, которая шла через камень в живот.

Только теперь рисунок изменился.

Раньше волны совпадали со стадом: шаги, пауза, снова шаги. Теперь под ними шёл ровный фон. Без ритма. Без сбоя. Слишком ровный для живого.

И Андрей понял: добыча, которая минуту назад была удачей, стала якорем.

Не тяжёлым — опасным.

Она держала их на открытой кромке долины. Лишняя минута. Лишний шум. Лишний взгляд в ту сторону.

— Володь... — начал он, но Владимир уже был рядом.

Старик опустил на колено у планшета без суеты, быстро ровно настолько, насколько двигался только тогда, когда уже всё понял. Кинул взгляд на экран — и у него едва заметно дёрнулся угол рта, будто он проглотил матерное слово.

Этого хватило.

Андрей увидел не выражение лица — реакцию тела. Как у человека, который узнал след, который надеялся больше не видеть.

— Сбой? — спросил Андрей, и сам услышал, как чуждо прозвучало это слово. — Может, опять шумит?

Владимир не ответил сразу. Перевёл взгляд с экрана в долину, на тушу, потом на Андрея.

— Сворачиваемся, — сказал он.

Не громко. Не резко. Но так, что спор кончился до того, как начался.

Внутри у Андрея привычно дёрнулось: *мы почти взяли*.

Почти — самое дорогое слово в лесу.

Он заставил себя проглотить его.

— Тушу? — спросил он. Потому что порядок всё равно надо было знать.

— Берём, — сказал Владимир. — Быстро.

Хуже этого могло быть только «бросаем».

Значит, Владимир уже посчитал. Если уйдут без мяса — город добьёт их потом. Если задержатся здесь — лес попробует добить сейчас.

Выбор был не между хорошим и плохим. Между двумя долгами. Один просто наступал раньше.

Вибрация под камнем стала плотнее.

Андрей глянул на экран. Метка сместилась ближе. Не дёргалась, как мелкая живность. Не металась. Не пыталась обойти.

Шла прямо.

Он ткнул в управление дронами, поднял выдачу мощности. Планшет ответил с мерзкой, вязкой задержкой. Два живых дрона подняли тон чуть выше.

Негромко. Но достаточно, чтобы захотелось врезать по экрану.

Тише. Ну тише же...

Туша приподнялась выше на полметра, и сразу стало видно, что это предел. Ещё немного — и дроны просядут. Нести низко — значит волочить пыль. Нести высоко — значит сжечь их прямо здесь.

Владимир вынул модуль связи, щёлкнул по ребру пальцем. На одном углу у корпуса всё ещё держалась старая изолянта. Андрей знал эту злость: не эмоция, а техническое бешенство. Когда железо обязано работать и выбирает именно сейчас начать капризничать.

— Мёртвого бросаем? — спросил Андрей.

Владимир не отвёл глаз от долины.

— Да. Потом не вернёмся.

Слова легли сухо, без сожаления в голосе, и от этого ударили сильнее.

Андрей на секунду замер. Дрон — это не просто железка. Это зарядные ячейки, пайка, контакты, канал, риск на проверке у стены, деньги, которых у них никогда нет. В городе это неделя жизни. В лесу — уже прошлое.

Он вбил команду: **ОТКЛЮЧИТЬ. СБРОСИТЬ МЕТКУ.**

Чтобы система перестала дёргать канал, будто дрон ещё можно спасти.

Серый значок на экране погас окончательно.

Как зуб выбили.

— Грузовик сюда, на кромку, — выдохнул Андрей и переключился на общий канал.

Из лесной тени за спиной поднялся знакомый низкий гул. Не звук даже — давление на кости. Тяжёлая машина шла к ним через деревья на грав-подушке, осторожно, но быстро.

Теперь у них самих была своя метка. Свой шум. Своя цена за спешку.

Пыль на губах стала горчить. Андрей провёл языком по зубам и почувствовал песок.

Владимир коротко коснулся его локтя.

— Туда не залипай, — сказал он тихо.

— Куда? — машинально спросил Андрей и сразу понял, насколько глупо это звучит.

Владимир наклонился ближе.

— Он читает не шум, — сказал он. — Он читает, куда ты сам отдаёшь внимание. Начинаешь пасти один сектор — показываешь, где для тебя угроза.

Андрей нахмурился.

— Хочешь сказать, он это видит?

— Хочу сказать: после таких, как он, остаются те, кто смотрели не туда и не так долго.

Это было сказано без байки. Без нажима. Как правило, за которое уже кто-то заплатил.

Страх у Андрея сразу захотел спрятаться в привычное — в усмешку, в колкость, в полшутку.

— Это ты про Царя, да? — сказал он вполголоса. — Который всех тут строит.

Владимир повернул голову так резко, что у Андрея сама собой пропала улыбка.

— Не делай из этого сказку, — сказал он. — Сказки расслабляют.

Под камнем снова прошло ровное давление.

Андрей больше не ответил.

Два дрона тянули тушу вверх по склону — низко, тяжело, почти волоком. Пыль за ней шла шлейфом. Камень, на котором они лежали минуту назад, теперь казался не укрытием, а витриной. Долина — плоской ловушкой без углов.

— И как тогда? — спросил Андрей через сухое горло.

— Работу делай, — сказал Владимир. — Проверьай коротко. Как заряд. Не корми его своим вниманием.

Слова прозвучали странно. Но правило в них было ясное.

Точка на экране сместилась ещё ближе.

Андрей заставил себя смотреть на неё короткими уколами взгляда. Зафиксировал — и обратно в дело.

Между деревьями показался грузовик: тёмный, угловатый, тяжёлый. Грав-подушка держала его ровно, но в низком гуле уже слышалась нагрузка. Будто машину гонят туда, куда она бы сама не поехала.

Рядом в тени ждал внедорожник — меньше, легче, живее. Но сейчас важнее был грузовик. Дом на колёсах, которых не было.

Туша вышла к кромке. Дроны на секунду зависли, отдавая мощность на удержание. Корпуса у них мелко дрожали, как руки у человека, который слишком долго держит тяжёлый ящик.

— Держите, — прошипел Андрей, сам понимая, что команды им уже не нужны.

Он соскочил с камня и побежал к грузовику короткими шагами, стараясь не взбивать пыль. Под подошвой хрустнул мелкий камень, и этот хруст показался неприлично громким.

Владимир шёл рядом — не быстрее, но ровнее. Винтовка низко, не на прицеле. Не охота. Готовность.

У грузовика откинулась задняя рампа. Актуаторы скрипнули сухо, будто тоже были недовольны. Внутри — стропы, крюки, старые направляющие, потёртый металл, наваренные заплаты. Всё уже ремонтировалось. Всё ещё держалось.

— Заводи на крюк! — крикнул Андрей дронам.

Теперь тишина кончилась. Теперь они сами включили себя в пространство.

Тушу потянуло внутрь.

И сразу клинануло.

Тяжёлая голова ударила в край рампы глухо, с мясным хрустом и металлическим стоном. Один дрон просел ниже второго, тушу повело набок, и передний фиксатор прошёл мимо скобы на ладонь.

— Нет-нет-нет...

Андрей влетел в зазор, схватил стропу обеими руками и рванул вверх, помогая механике тем, чем можно было помочь только телом. Под ладонями ремень резанул грубой синтетикой.

Дрон тонко взвыл и дёрнулся, удерживая перекос.

Рампа коротко пискнула предупреждением: перегрузка по краю.

Лишняя секунда.

Вот она.

Владимир уже был у борта. Не крича, не суетясь, он подхватил тушу под плечо длинным толчком снизу, не сдвигая массу, а убирая тот самый мёртвый перекос. Этого хватило: крюк вошёл в скобу с сухим щелчком.

— Ещё, — сказал Владимир.

Андрей вбил фиксатор.

Стропа пошла в натяг.

Только тогда Владимир сказал:

— Один раз. Коротко. Смотри.

Не «туда». Не «обернись». Именно так.

Андрей поднял взгляд в долину — ровно на миг.

Силуэта он не увидел.

Ничего, за что можно было бы ухватиться глазами. Только внизу пыль шла иначе: не клубилась, не оседала, а как будто расходилась в стороны от чего-то, что шло слишком ровно. И воздух над этим местом был странно чистым, будто кто-то раздвигал его перед собой.

Вибрация стала плотнее.

Не шаги. Не бег.

Приближение.

Андрей сразу опустил взгляд обратно на металл, на ремни, на свои руки.

— Ты встречал его? — спросил он, защёлкивая второй фиксатор.

Владимир промолчал секунду. Потом, не снимая перчатки, поднял рукав куртки.

На внутренней стороне предплечья белел старый широкий шрам. Не резаный — рваный, будто по мясу прошла зубчатая кромка. Чуть выше — ещё один, тоньше и кривее.

— Один раз, — сказал Владимир. — Выжил, потому что повезло. Дважды.

Рукав опустился обратно.

Без паузы. Без позы.

Факт.

У Андрея пересохло во рту ещё сильнее. Сказать было нечего.

Планшет, лежавший на краю рампы, подал низкий тяжёлый сигнал.

Не писк. Подтверждение.

Андрей глянул краем глаза. Метка была уже там, где недавно стояло стадо.

— Уже близко, — сказал Владимир.

И в этот раз ничего объяснять не пришлось.

Дроны наконец протолкнули тушу внутрь. Грузовик ощутимо просел в поле — не касаясь земли, но перестраивая контур под вес. Гул сразу ушёл ниже.

Андрей щёлкнул последним фиксатором.

Металл звякнул.

Цена — ещё несколько секунд.

Владимир стоял у рампы и не закрывал её, пока Андрей не дожал последний замок. Смотрел собранно, будто не на него, а на таймер у него в груди.

— Теперь он пойдёт не за тушей, — сказал он. — За нами.

Андрея пробрало сразу.

Не потому что это было красиво сказано. Наоборот — потому что сказано было слишком просто.

Он втянул воздух. Выдохнул.

Считай. Двигайся.

— Закрывай!

Рампа пошла вверх. Медленно. Тяжело. На середине хода один из приводов на миг запнулся, и металл дёрнулся с мерзким глухим ударом.

Ещё полсекунды.

Потом актуатор взял нагрузку снова, дотянул. Последний зазор схлопнулся.

Владимир уже разворачивался к внедорожнику.

Андрей рванул следом, быстрее, чем хотел. Поднял пыль. Влетел в кабину, ударил коленом о край сиденья, поймал панель тяги.

Сейчас.

И именно в этот миг вибрация под машиной стала такой плотной, что он почувствовал её в языке.

Внизу, в долине, пыль поднялась одной длинной ровной полосой — будто по земле провели невидимым лезвием.

Андрей не стал смотреть.

Включил движение.

Внедорожник сорвался с места мягко, почти бесшумно, уходя в тень леса. Грузовик пошёл следом на автопилоте — тяжелее, медленнее, но без колебания. Два живых дрона, выжатые досуха, вернулись в крепления и почти упали в них.

Андрей бросил на планшет один короткий взгляд.

Как на заряд.

Метка уже пересекла ту линию, где недавно стояло стадо.

Она не ускорялась.

Не металась.

Просто шла.

— Не оборачивайся, — сказал Владимир.

Теперь в этих словах не было противоречия. Один взгляд был нужен, чтобы понять цену. Всё остальное — уже кормить её собой.

Андрей сжал руль крепче, но головы не повернул.

Лес сомкнулся вокруг них. Сухой жар долины остался позади. Воздух снова стал влажным, тяжёлым, зелёным.

Только когда деревья закрыли кромку совсем, Владимир сказал вслух:

— Царь.

Слово легло между ними без легенды, без сказки, без чужих страшилок.

Как название факта.

Андрей сжал руль так, что пальцы побелели.

Позади оставалась долина, в которой что-то шло без спешки и без ритма.

Как долг, который не надо догонять — он сам знает дорогу.

Глава 3. Под дугой стен

Лес сомкнулся за ними быстро — будто хотел спрятать не их, а то, что осталось в долине. Влажный воздух снова сел на кожу тяжёлым полотном, пах мокрой корой и железом от перегретых контуров. Андрей держал внедорожник почти на пределе: ещё чуть быстрее — и машина могла закипеть; чуть медленнее — и начинало казаться, что за спиной снова появится тот неровный, чужой шаг.

Грузовик шёл следом на автопилоте. Тяжёлая масса тянулась за ними низким гулом грав-подушки — гулом, который теперь казался слишком громким, потому что Андрей уже знал: в долине кто-то шёл без ритма. И если сейчас сзади было тихо, это не значило, что там никого нет.

Он поймал себя на желании открыть планшет и смотреть на точку каждую секунду. Сжёг бы глазами экран, если бы это помогало.

Работа. Всего лишь работа.

Он заставлял себя проверять коротко: взгляд — цифра — убрать. Как заряд. Как температура.

Точка была... и не была. Дешёвая электроника в лесной сырости снова капризничала: то давала чистую картинку, то рассыпалась мелкими всплесками. Андрей видел только одно: они удалялись от долины. Значит, каждый метр пока был правильным.

Владимир сидел рядом молча. Не обиженно, не ушёл в себя — просто молча так, как молчал перед городом: будто заранее собирал силы для другой войны.

Планшет перестал давить точкой и затих.

— Оторвались, — сказал Владимир.

Сказал сухо, как ставят отметку в журнале.

Андрей всё равно посмотрел назад. Не потому, что не доверял. Потому что тело ещё не согласилось. Между редующими стволами было пусто. Только мокрая тень, редкий пар от почвы и след их собственного шума.

Лес менялся на ходу. Стволы редели. Воздух терял сырость, становился суше, с примесью пыли и слабого запаха масла. Андрей почувствовал это первым не носом — горлом: воздух перестал липнуть, начал царапать.

И тогда город показался.

Не как дом. Как препятствие.

Тёмная дуга стен перекрыла горизонт, будто кто-то поставил поперёк дороги ладонь. Башни, выступы, рёбра металла и бетона, грубые заплатки, ржавые потёки — всё держалось не красотой, а упрямством.

Под дугой стен лежал горный массив с шахтным разрезом.

Низкий, постоянный гул шёл из глубины так, будто под корой всей планеты что-то не переставало работать.

Тартар. Это слово ощущалось не как точка на карте, а как имя планеты: сырой сверху, пустой для неба и живой где-то внизу.

По стенам стояли орудийные башни. Андрей отметил это автоматически — как отмечают выходы, камеры, слепые зоны. И второе отметил тоже: стволы смотрели не в небо, а вниз, к лесу.

Город целился туда, откуда чаще приходила смерть.

Левее, над стенами, было видно другое — космопорт. Ровные силуэты площадок. Световые дорожки. Спокойные грузовые корабли, которые садились и уходили без суеты, как дыхание по расписанию.

Там — ровно, чисто, по графику.

Здесь — ржавчина, заплаты и контроль.

Подъезд к воротам был длинным и голым. Лес отступил, оставив редкий кустарник и камень. Дорога была не дорогой, а выровненной полосой, где грав-подушка держалась чуть увереннее. Андрей ехал аккуратнее, чем нужно: не из заботы о машине — из ощущения, что город уже смотрит.

Он был прав.

На подходе стояли внешние посты. Одинаковые позы, одинаковые повороты головы. Взгляд — не в лица, а в технику: по корпусу внедорожника, по гулу грузовика, по качающейся туше на брюхе платформы.

Туша качнулась ещё раз — тяжело, как чужая вина.

Ворота начали просыпаться заранее. Щёлкнули приводы, металл тихо простонал, и створка поползла — медленно, тяжело, как будто город делал одолжение тем, кто возвращается. Следом включились сенсоры: короткая волна сканирования прошла по машинам. Андрей почувствовал это не кожей — панелью. Та на секунду дрогнула от помехи и сразу выровнялась.

Город распознавал их не как людей.

Как конвой. Как ресурс на входе.

— Не дёргайся, — сказал Владимир, не глядя.

Тон был ровный, буднично-нормальный.

Андрей понял: старик сказал это не ему. Сказал его телу.

У контрольной линии они остановились. Полоса на земле была отмечена грубо — не краской, а полосой другого материала, будто её перекладывали кусками. Сверху висела рамка сканеров: не новая, чиненная, но рабочая.

Из будки вышел часовой. Молодой. Лет двадцать, может чуть больше. Лицо усталое не по возрасту — тот же серый свет, что у города. На шлеме камера, на запястье планшет. Двигался он уверенно, но без важности: как человек, который делает одно и то же по десять раз за смену.

Он поднял руку.

В жесте не было угрозы. Был протокол.

— Остановиться. Контрольная линия.

Голос звучал так, будто он читает текст, который не обязан понимать.

Он коснулся шлема. На корпусе камеры загорелся индикатор записи. Потом опустил взгляд в планшет, пальцы быстро пробежали по меню.

— Фиксирую возврат охотничьего конвоя... — произнёс он монотонно и, не поднимая глаз, добавил: — ...в город СР-семнадцать.

СР-17. Так он значился в системе.

Кольцом город называли местные — за дугу стен, за замкнутую жизнь внутри, за привычку не выпускать просто так ни людей, ни долг.

Андрей машинально сжал челюсть. Сейчас их разложат по строкам: кто, что, сколько, откуда. И в этих строках обязательно найдётся место для штрафа.

Владимир молчал. Как всегда в городе: меньше слов — меньше крючков.

Часовой поднял глаза — впервые посмотрел на Андрея по-настоящему. Взгляд был не злой. Пустой. Технический.

— Декларируйте добычу. Тип, масса, количество единиц.

Спорить было бессмысленно. Спор в городе был как контакт с плёнкой: всегда дороже.

Андрей сделал вдох, повернул голову так, чтобы часовой видел лицо, и показал короткий жест ладонью — почти владимировский, только мягче. Потом указал на индикатор записи и едва заметно наклонил голову: *останови*.

Часовой замер.

Вот тут Андрей и понял: молодой. Не из тех, кто уже научился брать с лентой, даже не думая. Этот ещё решал. Взгляд метнулся с камеры на грузовик, с грузовика — на башни, от башен — обратно на Андрея.

Он коснулся шлема. Индикатор погас.

Андрей не улыбнулся. Улыбка здесь выглядела бы либо просьбой, либо наглостью.

Он наклонился чуть ближе, не выходя из кабины полностью — чтобы не провоцировать отдельное нарушение, — и тихо сказал:

— Ты можешь сейчас сделать всё правильно. Чисто по цифре.

Часовой молчал.

Андрей кивнул на грузовик.

— Только здесь за «слишком правильно» тоже иногда спрашивают. Наверху мясо нужно не меньше, чем порядок в бумагах.

Взгляд часового дрогнул. Не от жадности. От того, что фраза попала в знакомое место.

— Не пропускай всё подряд, — продолжил Андрей. — Но и не делай вид, будто сегодня тебе обязательно надо стать самым точным человеком в Кольце.

Он кивнул на маленький свёрток в боковом отсеке — аккуратно упакованную мелкую тушу.

— Оформил как ремонт внешнего сектора. У тебя работа выполнена. У нас без штрафа. И линия не стоит.

Часовой всё ещё смотрел на него. Андрей видел, как у того в голове крутится не совесть и не закон — риск. Не влетит ли за мягкость. Не влетит ли, наоборот, за лишнюю принципиальность.

За их спинами уже копилось движение: кто-то возвращался с пустыми руками, кто-то просто тянулся к воротам на всякий шум. Линия не любила пауз.

Часовой быстро глянул вверх — не на небо, а на башню над створкой, будто там мог сидеть чужой глаз.

— Сколько? — спросил он.

— Одна мелкая, — ответил Андрей сразу. — И мы не держим проход.

Часовой ещё раз посмотрел на большую тушу под грузовиком. Потом — на маленький свёрток. Потом коротко выдохнул, будто выбрал не выгоду, а меньшее из двух зол.

— Ладно.

Это «ладно» не было дружбой. Было решением.

Он быстро сделал пару движений в планшете, открыл другой пункт меню.

— Оформляю: ремонт внешнего сектора... — назвал номер, Андрей не запомнил, — ... с заменой крепежа и проверкой стыка.

Какие, к чёрту, стыки.

Но Андрей не подал виду. В городе правдой была не реальность, а запись.

Часовой кивнул на свёрток.

— Передадите после линии. Не здесь.

Андрей кивнул.

Часовой вернул протокол в официальный режим, снова коснулся шлема, и индикатор камеры загорелся.

— Фиксирую возврат ремонтной группы... — тем же пустым голосом произнёс он.

И эта пустота теперь работала на них.

Он закончил формулу, поставил отметки, быстро пробежал глазами по цифрам и только потом выключил запись окончательно. Индикатор погас, и лицо часового будто стало живее на полтона.

— Ну что, — сказал он уже иначе, почти по-человечески, — с возвращением в Кольцо. Неплохая добыча.

Андрей не ответил «спасибо». В городе «спасибо» звучало как слабость. Он просто кивнул.

Часовой фыркнул — коротко, раздражённо.

— Дурацкая система. Пока вы там — хоть по три раза за стену ходите, я ничего не вижу.

Вернулись — вот тогда «оформляй».

Он не договорил. Но взгляд, скользнувший к мелкой туше, договорил за него.

Не про закон. Про долю.

— Может, и к лучшему, — сказал Андрей ровно.

Часовой глянул на него с лёгким непониманием, но Андрей уже не стал объяснять.

Если город не считает выход, ему проще не считать и тех, кто не вернулся. Без граф, без дел, без семейных претензий. Просто исчез. Лес сделал свою работу, город — свою.

Этой мысли хватило.

— Давайте, — сказал часовой, снова становясь частью механизма. — Проходите. Не тормозите створку.

Ворота открылись шире.

Внутри пахло городом — влажным металлом, старым бетоном и кислой гарью, которая не была костром. Свет стал ровнее, жёстче. Давление взглядов — плотнее.

И там была толпа.

Немного людей — слои. Охотники, такие же серые и усталые. Стража, которая держала линию. И те, кому у ворот делать было нечего, кроме как ждать шанс на еду. Особенно дети — худые, с большими глазами, которые смотрели не на Андрея и не на Владимира.

На тушу.

Как на обещание, которое ещё не разделили, но уже мысленно режут.

У Андрея внутри что-то сжалось — неприятно, почти физически. Не жалость. Хуже. Понимание, что добыча ещё не въехала в город, а её уже делят взглядами. Если они принесут мало — кто-то не поест. Если принесут много — город запишет это как крепёж и ремонт.

Он на секунду захотел закрыть тушу брезентом.

Поздно.

Владимир рядом стал почти незаметным: плечи чуть ниже, взгляд не на людей, а на проходы, углы, возможные зажимы. Он смотрел так, будто город — это тоже лес. Просто зубы у него спрятаны в правилах.

Андрей перевёл внедорожник в движение. Грузовик пошёл следом, тяжело и спокойно, и туша качнулась ещё раз — в такт гулу, который теперь шёл не из долины, а из шахты под городом.

Кольцо приняло их внутрь.

Не как своих.

Как ресурс, который вернулся — и который можно снова считать.

Площадка внутри ворот была слишком ровной для живого мира: жёсткий свет, гладкие пятна бетона, одинаковая геометрия ограждений. Воздух пах влажным металлом и кислой гарью — не костром, а городом. И ещё — тем постоянным низким гулом из шахты под стенами, от которого вибрация будто жила в костях отдельно от тела.

Андрей поставил внедорожник так, чтобы не мешать потоку, и на секунду задержал ладонь на панели тяги. Машина держалась в минимуме грав-подушки — гул почти исчез, но не до нуля. В городе любая тишина была показной: всё равно где-то работало, считало, фиксировало.

Грузовик сзади протянулся тяжёлой тенью. Внутри, под рампой, закреплённая туша гиганта качнулась ещё раз — лениво, как непрощенная вина. Волна взглядов прошла по ней по инерции, как по вывеске: сначала дети, потом взрослые, потом те, у кого взгляд был пустой — служебный.

Андрей вытащил из бокового отсека аккуратно свёрнутый серый пакет. Мелкая туша была завернута в плотную ткань, чтобы не светить лишний раз. Он почувствовал вес по ладони — ни много ни мало. Ровно столько, чтобы в городе это стало поводом.

Владимир не сказал ни слова. Просто смотрел по сторонам так же, как в лесу: не на лица, а на углы, на паузы между движениями, на то, где система может сделать шаг вбок. Андрей краем глаза заметил короткое движение под курткой — старик коснулся груди, сжал кулон и отпустил. Проверка ключа перед дверью.

— Я отдам, — сказал Андрей негромко.

Владимир кивнул один раз. Не «разрешил». Зафиксировал действие.

Андрей вышел из кабины, и город сразу стал плотнее. Под подошвами — не мокрая земля, а холодная жёсткая поверхность. Шум людей — не как разговор, а как фон, в котором торчат отдельные слова: «мясо», «сколько», «штраф».

Он не хотел превращать это в торг, и потому шёл прямо. Молодой часовой стоял сбоку от линии, как и обещал. Камера на шлеме у него уже была выключена, но Андрей всё равно заметил: привычка смотреть «на запись» не исчезает вместе с лампочкой.

Часовой увидел пакет, сделал микропаузу — ту самую, когда человек быстро считает риск. Потом протянул руку, не глядя в глаза.

Андрей отдал. Без улыбки. Без слов.

Часовой забрал пакет, будто это часть инструмента, и вернул Андрею короткий кивок.

— Проходите, — сказал он тем же голосом, каким читали протокол.

Андрей развернулся назад — и в этот момент снова увидел толпу. Дети не подходили вплотную: их держали локтями взрослые и страх быть отогнанными. Но глаза у них были открытые и голодные. Не «жадные». Живые.

Туша гиганта качнулась, и у одной худой девочки дёрнулась шея — как будто она проглотила слюну, которой не было.

Не делай из этого представление.

Он подошёл к внедорожнику, открыл боковой отсек и достал ещё одну мелкую тушу. Она была хуже упакована, ткань на ней уже пропахла дымом и лесом. Андрей поморщился: запах леса в городе цеплялся к людям как обвинение.

Он снял тушу аккуратно, двумя руками, будто это не мясо, а что-то хрупкое. Закрыв отсек. И только потом сделал шаг к толпе.

Сначала люди отступили — инстинктом. В городе любая неожиданная щедрость пахла ловушкой.

Андрей остановился на расстоянии вытянутой руки и выбрал глазами женщину с мальчиком. Мальчик держался за её рукав так, будто рукав был единственной стеной. У женщины лицо было серое от усталости, но глаза — не пустые. Они смотрели на тушу не как на добычу, а как на шанс не объяснять ребёнку ещё один вечер, почему «потом».

Андрей протянул тушу.

Женщина взяла не сразу. Пальцы дрожали — от стыда, от облегчения, от того, что сейчас кто-то может крикнуть «нельзя». Она взяла и сразу прижала к груди так, как прижимают не еду — ребёнка.

— Спасибо... — выдохнула она. В этом «спасибо» было слишком много: страх, стыд, облегчение и злость на то, что приходится благодарить за то, что должно быть обычным.

Мальчик шагнул вперёд — быстро, будто боялся, что Андрей передумает. Он помог удерживать вес, и на секунду их пальцы коснулись руки Андрея. Кожа у мальчика была холодной.

Андрей кивнул — не в ответ «спасибо», а в ответ самой ситуации: *я вижу*. И тут же сделал шаг в сторону, чтобы не стоять над ними, не превращать это в сцену.

Он отдал ещё одну тушу — мужчине лет сорока, у которого руки были в масле и грязи, а взгляд — такой же усталый, как у Владимира после ночи. Мужчина не улыбнулся. Только коротко сказал:

— Счётчик тебе это припомнит.

Андрей усмехнулся внутри, не снаружи.

— Эй.

Голос пришёл сбоку — лёгкий, почти весёлый. Такой, каким говорят люди, которым нравится, когда на них смотрят.

Андрей повернул голову.

Ник стоял у ограждения, прислонившись плечом так, будто ему здесь принадлежало место. Одежда у него была чище, чем у большинства охотников у ворот, и пластина на груди выглядела свежей — не новая, но ухоженная. Винтовка висела на ремне не как необходимость, а как привычный аксессуар. Лицо — знакомое из городских разговоров: «Ник удачливый», «Ник знает, где взять», «Ник умеет считать».

Он смотрел на Андрея с насмешкой, но без прямой злости. Как смотрят на новичка, который решил сыграть по другим правилам.

— Праздник устроил? — спросил Ник, кивнув на толпу и на туши. — С раздачей. С эмоциями.

Андрей удержал дыхание ровным. Внутри поднялось желание ответить резко — чтобы отрезать. Но резкость в городе была как контакт с плёнкой: дорого.

— Закрыв вопрос, — сказал он спокойно. — Люди голодные.

Ник хмыкнул, будто услышал шутку.

— Люди всегда голодные, — сказал он. — Вопрос не в людях. Вопрос в том, из чьей доли ты сейчас вычел.

Андрей посмотрел на него прямо.

— Я им дал мясо.

— Нет, — Ник качнул головой. — Ты залез в счёт, который не тебе вести.

Он кивнул на толпу, на туши, на ворота, где ещё минуту назад всё было просто голодом и возвращением.

— В Кольце мясо сначала считают, потом жрут. Ты порядок перепутал.

Под рёбрами у Андрея поднялась старая злость на город — уже не за нищету даже, а за то, как быстро тот умел делать чужую нужду частью чужой бухгалтерии.

— Ты зачем пришёл? — спросил он.

Ник усмехнулся шире.

— По-дружески сказать: Лоренцо не любит, когда прибыль начинает пахнуть добротой.

Он сделал короткую паузу, будто давая фразе лечь глубже.

— Таких он или покупает, или учит считать заново.

— Спасибо за заботу, — сказал Андрей ровно.

Ник рассмеялся коротко, без веселья.

— Да какая забота. Мне просто скучно. Но ты запомни: здесь даже щедрость должна знать, через чьи руки проходит.

Андрей не ответил сразу. Он опустил взгляд на тушу у себя в руках, на свои пальцы, где ещё вчера был лес, а сегодня — городская грязь. Потом поднял глаза и сказал:

— Я ничего не забываю.

Ник посмотрел на него чуть внимательнее, будто проверил, есть ли в словах правда.

— Ну-ну, — сказал он и оттолкнулся от ограждения. — Увидимся у Лоренцо.

Он пошёл прочь так, как ходят люди, которым не надо оглядываться.

Андрей почувствовал на себе взгляд Владимира. Старик стоял у внедорожника, не вмешиваясь, но присутствуя — как опора. Не «спас». Просто был рядом, и это меняло вес слов.

Оба вернулись в машину и отправились на минимальном ходу. В городе любая стоянка у ворот превращалась в сцену, а сцены здесь всегда имели цену.

Они поехали вправо — вдоль стены, в коридор, где воздух становился холоднее. Там шли трубы — толстые, мокрые, местами обмотанные старой теплоизоляцией, как бинтами. Ровный гул шахты усиливался и становился почти уютным от своей стабильности: хотя бы это не менялось.

И всё равно Андрею на секунду показалось, что в этом ровном гуле есть что-то знакомое — то самое «слишком ровное», что он слышал в долине, когда точка шла без ритма.

Он поймал себя на том, что напряг шею, будто пытается услышать поверх города что-то другое.

Устал. Просто устал.

Владимир сказал тихо, не поворачивая головы:

— Дыши.

Андрей выдохнул. Город, как лес, любил тех, кто сам себя выдаёт.

Через несколько минут они свернули в боковой проезд, где свет был ещё ровнее и ещё беднее: лампы не мерцали красиво, они просто горели — одинаково. За решёткой валялись куски металла, старые панели, какие-то разобранные узлы. Город жил ремонтом, как организм живёт шрамами.

У самого ряда гаражей Владимир сбросил скорость. Внедорожник мягко просел, когда грав-подушка ушла в минимум, и сел на внутренние упоры с коротким сухим щелчком. Грузовик встал рядом чуть тяжелее — выровнялся и затих. Андрей выбрался наружу, дождался, пока Владимир заглушит контур, и они молча прошли мимо ржавых створок и груды старых деталей к знакомой двери в тени стены.

«Дом» Владимира оказался там же, где и всегда — ближе к воротам, ближе к работе. Не дом. Заброшенный гараж, втиснутый между складской стеной и старым техническим тоннелем. Дверь держалась на двух разных петлях, и одну явно меняли вручную.

Внутри пахло металлом, сухой пылью и травами — горькими, тёплыми, как лекарство. Андрей заметил первое сразу: разобранный второй внедорожник. Он стоял на упорах, без боковых панелей, с открытым нутром контуров. Где-то торчали провода, где-то — стяжки, где-то — аккуратная маркировка Владимира на изоленте.

Мечта выглядела не как «красивое будущее». Как работа, которая сожрёт месяц, два, а может и год — но даст шанс на более безопасную охоту. На чуть меньший риск. На чуть более длинное «потом».

Андрей задержал взгляд на корпусе — и тут же одёрнул себя. Смотреть на мечту долго было так же опасно, как смотреть в долину.

— Сначала сдача, — сказал Владимир, как будто прочитал его взгляд.

Андрей кивнул.

Через некоторое время — не быстро и не медленно, а по-городскому, когда всё приходит «по очереди», — к гаражу подошёл рабочий. Не охрана. Не перекупщик. Человек системы, который делает вид, что не знает, чем занимается.

На нём была куртка с потертым значком службы, лицо — пустое, как экран в режиме ожидания. В руке — планшет. Он вошёл без приветствия, окинул взглядом грузовик и сказал:

— Передача управления.

Не вопрос. Формула.

Андрей вывел на свой планшет канал грузовика. Дешёвая сеть в городе работала лучше, чем в лесу — потому что здесь за неё кто-то отвечал. Он передал доступ, и рабочий сделал пару движений пальцами, не глядя на него.

Туша гиганта на секунду снова качнулась — теперь уже от того, что грузовик перестроил контур под чужую команду. Гул подушки стал чуть другим. Чужим.

Рабочий посмотрел на экран, кивнул сам себе и после короткой паузы добавил:

— Груз принят.

Не «добыча». Не «трофей». Уже груз.

Андрей почувствовал знакомую пустоту. Будто их день сжали в строку и сразу переписали на чужой язык.

— Дальше — через Лоренцо — добавил он.

Имя прозвучало так, будто это не человек, а сама система.

— Расчёт как обычно? — спросил он.

— После удержаний.

Андрей не спросил каких.

— А дрон? — спросил он всё же, коротко, сам себе не простив. Слово вырвалось из боли.

Рабочий впервые поднял глаза по-настоящему.

— Потеря техники на внешнем выходе — ваш расход. В поставку не входит.

И снова опустил взгляд в планшет.

Грузовик начал выкатываться из гаража на автопилоте, медленно, тяжело. Туша гиганта ушла вместе с ним. Шум ушёл. Даже воздух как будто стал легче.

Когда ворота гаража закрылись и гул грузовика растворился в общем городском фоне, Андрей остался стоять, чувствуя, как внутри проваливается тишина. Не лесная. Домашняя — если это можно было так назвать.

Владимир молча поставил на стол жестяной чайник и две чашки. Травяной чай был горьким — Андрей знал это заранее, и всё равно каждый раз кривился. Горечь здесь была как дисциплина: неприятная, но полезная.

Они сели на старые ящики, как на стулья. Свет в гараже был тусклый, но ровный. Снаружи кто-то прошёл по коридору — шаги отдались по трубам, и Андрей снова поймал себя на том, что слушает паузы.

Владимир налил чай. Подвинул чашку Андрею.

— Ты у ворот... — начал Андрей и замолчал. Он не знал, как сказать так, чтобы это не звучало оправданием.

Владимир сделал глоток, не торопясь. Потом сказал:

— Решил — сделал.

Это было и одобрение, и предупреждение одновременно.

Андрей вздохнул. Горечь чая села на язык, как штраф.

— Они смотрели, — сказал Андрей тихо. — Как на...

Владимир кивнул.

— Город смотрит всегда, — сказал он. — Просто не всегда глазами.

Андрей усмехнулся криво.

— Ник тоже смотрит.

Владимир не спросил «что сказал». Он и так знал, что такие, как Ник, говорят.

— Ник умеет считать, — сказал Владимир. — И любит, когда другие ошибаются в счёте.

Андрей прокрутил чашку в ладони. Тепло было слабым, но настоящим.

— Я не хотел... — начал он и остановился.

Не геройствуй. Слова Владимира из леса прилетели сами.

Владимир поставил чашку.

— Ты дал не всем, — сказал он спокойно.

Андрей поднял взгляд.

— Потому что не мог, — ответил он.

— Потому что не должен, — поправил Владимир. Без жёсткости. Как правило. — Если ты раздашь всё — завтра ты принесёшь ноль. А ноль не кормит никого.

Андрей кивнул. Внутри всё равно оставалось неприятное: как будто он сделал правильное и всё равно заплатит.

— Заплатим, — сказал Владимир, будто снова услышал мысль по телу. — Вопрос — сколько. И кому.

Андрей сделал короткий вдох.

— Лоренцо.

Владимир снова коснулся груди под курткой — едва заметно.

— Не спеши, — сказал он. — И слушай город.

Андрей поднял бровь.

— Как лес?

— Так же, — ответил Владимир. — В городе тоже есть паузы между звуками. Они важнее слов. Если пауза неправильная — не лезь.

Андрей почувствовал, как внутри собирается привычный рабочий режим. Не страх — готовность считать.

Он допил чай одним глотком. Горечь осталась на языке.

— Я пойду, — сказал он.

Владимир кивнул. Встал, подошёл ближе и коротко — почти по-отцовски, но без сантиментов — поправил ремень на плече Андрея, чтобы не цеплялся за косяк.

— И ещё, — сказал он тихо. — Не делай из этого торг.

Андрей усмехнулся краем губ.

— Я уже сегодня потренировался.

Владимир не улыбнулся, но в голосе появилась та самая едва заметная мягкость.

— Значит, ещё раз. В городе торг — это когда ты показываешь, где у тебя болит.

Андрей кивнул.

Он вышел из гаража во двор. Свет снова стал жёстким. Город принял его обратно не как человека — как строку, которая пошла в нужное окно.

Горечь травяного чая ещё держалась во рту.

Андрей уже мысленно был в другом конце Кольца — там, где сидел Лоренцо и где за любую оплату сначала заставляли показать, где у тебя болит. После разговора с Владимиром идти туда не хотелось, но ещё меньше хотелось тянуть до темноты. Он сделал два шага к калитке, сунул руку в карман — и тогда увидел женщину.

Она шла быстро, почти сбиваясь на бег, будто долго не решалась, а потом всё-таки заставила себя сдвинуться с места. Но чем ближе подходила к их двору, тем медленнее становились её шаги. За несколько метров до калитки она почти остановилась и дальше пошла уже так, как ходят люди, которым деваться некуда, но очень хочется, чтобы их всё-таки не заметили.

Андрей тоже замедлился.

В Кольце к чужой двери под вечер не приходили просто так. Не за разговором. Не на чай. И точно не в таком виде.

На женщине была старая рабочая куртка, на груди вытертая до блеска там, где её, должно быть, часто придерживали одной и той же рукой. Волосы собраны наскоро, одна прядь выбилась и прилипла к мокрой щеке. Она смотрела не на дом, не на Андрея, а себе под ноги, будто дорога подскажет, как просить правильно и не рассыпаться раньше времени.

На миг ему захотелось, чтобы она просто прошла мимо.

Чтобы ошиблась адресом.

Чтобы день всё ещё можно было довести до конца по плану: Лоренцо, расчёт, обратно, и никаких новых долгов перед живыми.

Но женщина остановилась у самой калитки и не вошла. Только подняла глаза — и Андрей увидел то, что увидел бы любой в Кольце с первого взгляда: не голод, не ссору, не болезнь.

Пропажа.

Кто-то не вернулся.

Он подошёл ближе и взялся за холодный металл.

— Вам кого?

Женщина открыла рот не сразу. Губы дрогнули, но голос вышел только со второго раза.

— Мне... сказали, здесь могут... — она сбилась, будто уже поняла, насколько жалко это звучит. — Мне нужен Владимир. Или вы. Всё равно.

Голос у неё был сорванный, но не от крика. От долгого молчания, в котором человек повторял одну и ту же фразу про себя, пока не дошёл до последней двери.

Андрей открыл калитку.

— Заходите.

Она шагнула во двор так осторожно, будто входила не в частный дом, а в место, где за самую просьбу тоже могут выставить счёт. Андрей пропустил её вперёд. Из гаража тянуло тёплым металлом, оружейным маслом и остатком чая. У самого входа на выдвигаемых опорах стоял внедорожник, чуть накрёнённый, потому что левую опору Владимир, похоже, опять не успел докрутить. Под потолком висели кабели, у стены — ящики с инструментом, на верстаке — разобранное оружие и тряпка, тёмная от смазки.

Владимир стоял к ним спиной.

Он не обернулся сразу, только провёл тряпкой по разобранному узлу винтовки и ровно сказал:

— Что забыл?

Потом всё-таки бросил быстрый взгляд через плечо.

Увидел, что Андрей не один.

И в этом коротком взгляде Андрей успел прочитать всё. Сначала оценку. Потом раздражение. Потом тот самый сухой, заранее готовый отказ, который у Владимира рождался не из жестокости, а из привычки не врать ни себе, ни другим.

Женщина это тоже прочитала. Плечи у неё дёрнулись, будто её уже выставили за дверь, хотя никто ещё не сказал ни слова.

Андрей чуть отступил в сторону, давая ей место и секунду, чтобы начать.

— Что случилось?

Она сцепила руки так сильно, что побелели костяшки.

— Мой сын... — голос треснул. — Он не вернулся. Пётр. Его взяли на выход... учиться. Сказали, не одного, со старшими. Они ушли и... — она судорожно вдохнула. — Они должны были уже вернуться.

Владимир положил деталь на верстак. Очень аккуратно. Слишком аккуратно для человека, которому всё равно.

— Когда вышли?

Женщина перевела взгляд на него, словно в этом вопросе уже была половина приговора.

— Три ночи назад. Нет... уже четыре. — Она запуталась сама в себе, зажмурилась, пересчитала заново. — Сегодня к вечеру будет пятая ночь.

Андрей почувствовал, как внутри неприятно сжалось. Он не любил эту часть охоты — не лес, не кровь, не вылазки сами по себе, а тот момент, когда чужая беда превращалась в числа, и числа оказывались честнее любого утешения.

Он спросил, потому что кто-то должен был переводить разговор из плача в факты:

— На сколько они выходили?

— На три ночи. Учебный выход. Недалеко. — Женщина заговорила быстрее, будто спешила успеть, пока её ещё слушают. — Пётр первый раз шёл так далеко, но не один. С ним были опытные. Мне сказали, просто покажут ему место у реки, как ставить лагерь, как держать периметр... Он даже стреляет ещё по-городскому. Я ему говорила, рано. А он всё: «мам, я должен... так все начинают...»

На миг Андрей увидел этого Петра слишком ясно: молодого, торопящегося стать полезным, уверенного, что старшие рядом значат безопасность.

Владимир спросил:

— Заряд барьера на сколько ночей был?

Женщина моргнула. Из всех возможных вопросов этот явно ударил её сильнее прочих.

— На три. Мне так сказали. Хватит, сказали. Там недалеко.

В мастерской стало очень тихо. Только где-то за стеной гудел город — ровный, низкий, бесконечный, как дыхание огромной машины, которой всё равно, кого сегодня не досчитаются.

Владимир перевёл взгляд на стол, потом обратно.

— Три ночи заряда. К вечеру у тебя пятая. — Он говорил без нажима, но каждое слово ложилось тяжело. — Если они не вернулись на четвёртой, значит, барьер либо сел, либо они до него не дожили.

Женщина покачала головой так быстро, будто этим движением могла отменить расчёт.

— Но вдруг они просто ушли дальше. Или укрылись. Или техника... я не знаю. Вы же сами выходите. Вы понимаете.

— Потому и понимаю, — сказал Владимир.

Не громче. Не жёстче.

Просто как факт.

Женщина посмотрела на Андрея — не потому, что он знал больше, а потому, что хотела найти хоть какой-то зазор между сухим знанием и живой надеждой.

Андрей не отвёл взгляда.

Он уже понял главное: на жалость Владимир не пойдёт. Здесь можно было либо найти щель в расчёте, либо отпустить её ни с чем.

— Куда именно они шли? — спросил он.

Владимир быстро посмотрел на него. Не с упреком. Скорее проверяя, не начнёт ли он сейчас играть в красивое сострадание вместо дела.

Но Андрей уже сам слышал в голове ход мысли: учебный выход, недалеко от города, до реки. Если там вообще есть что проверять, то только в пределах короткого захода. Только место. Только след.

Женщина вскинула голову так резко, будто этот вопрос уже был почти помощью.

— К северной переправе. Старой. Где сваи торчат у берега. Там новичков часто водят. Недалеко. Они не должны были уходить далеко.

Андрей кивнул.

— На этой стороне реки?

— Да. Да, на нашей. До воды, потом лагерь на приподнятом берегу. Там ещё дерево с расколотым стволом. Его все знают.

Он быстро прикинул расстояние. Неприятно близко к городу, но всё ещё в пределах того, куда можно рвануть налегке, без большого развёртывания. Не спасение. Не поисковая операция. Просто плохая, узкая, почти позорная щель, в которую ещё можно было сунуться до темноты и проверить место.

Андрей перевёл взгляд на Владимира.

— Если это правда учебный выход, они не должны были уходить далеко, — сказал он ровно. — Если переправа та самая, можно хотя бы быстро посмотреть лагерь и берег. До темноты.

Женщина почти перестала дышать.

Владимир смотрел на Андрея долго. Слишком долго для простого отказа.

Но потом всё равно покачал головой.

— Пять ночей при трёх зарядах — это не «быстро посмотреть и забрать живых». Это поездка за мёртвыми. Этого мало.

Женщина вздрогнула, как от удара.

— Пожалуйста.

— Нет, — сказал Владимир.

Всего одно слово.

Без злости. Без облегчения. Без попытки сделать его мягче.

Именно поэтому оно прозвучало хуже, чем если бы он рывкнул.

Женщина шагнула вперёд, и Андрей на секунду испугался, что она сейчас упадёт на колени. Но она только сильнее сцепила руки.

— Я не прошу чудо. Я не прошу, чтобы вы его мне живым обещали. Только посмотреть. Хоть место. Хоть след. Мне больше не к кому идти. У меня нет денег. Мне сказали, вы иногда... вы иногда всё-таки смотрите.

— Когда есть смысл, — ответил Владимир.

— А сейчас он есть! — почти сорвалась она. — Вы же сами слышали — недалеко, учебный выход, переправа...

— Сейчас есть надежда, — отрезал Владимир. — Это не одно и то же.

Андрей почувствовал, как в нём поднимается тупой протест. Не потому, что Владимир был неправ. Хуже — потому что он опять был прав слишком чисто.

Женщина посмотрела на обоих, поняла, что больше здесь ей ничего не дадут, и с каким-то страшным усилием заставила себя кивнуть.

— Простите, — сказала она зачем-то.

И в этом «простите» было столько стыда, что у Андрея невольно свело челюсть.

Она повернулась к двери.

Вот теперь всё действительно должно было закончиться. Правильно. По закону места. По закону шансов. По закону Кольца, где даже сочувствие быстро становится роскошью, если не считать, чем оно будет оплачено.

Но Андрей не смог отпустить её так — совсем без имени, без лица, как очередную беду у порога.

— Подождите.

Женщина остановилась, не сразу обернулась.

— Как вас зовут?

Он и сам не до конца понимал, зачем это спросил. Не для дела. Не для протокола. Просто чтобы она не уходила из этого дома безличной просьбой.

Она посмотрела на него покрасневшими глазами.

— Настя.

Металлический щелчок в мастерской оборвался.

Андрей обернулся почти раньше, чем понял, что именно услышал.

Владимир не двинулся с места. Только рука, которой он держал тряпку, застыла над разобранной винтовкой. Совсем на миг. На один удар сердца. Потом пальцы медленно сжались. Так сильно, что побелели костяшки, а тёмная от масла ткань натянулась между ними.

Он поднял глаза.

Не на Андрея. Не сразу на женщину.

Куда-то сквозь них.

Это было так коротко, так почти незаметно, что другой человек, может быть, ничего бы и не увидел. Но Андрей увидел. И этого хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.